

Незаконные похождения Мах'а и Дамы в розовых очках

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

книга 2

18+

Afigo Baltasar

**Незаконные похождения Мах'а и
Дамы в Розовых Очках. Книга 2**

«Автор»

2025

Baltasar A.

Незаконные похождения Мах'а и Дамы в Розовых Очках. Книга 2 /
A. Baltasar — «Автор», 2025

Пушкин Александр Сергеевич – ремесленник, мистик и поэт 1978 года рождения, не нашедший своего места в общественной системе Азирии, и вошедший в конфронтацию с моралью политиков и священнослужителей, чтобы стать символом и рупором восстания анархистов на площади имени Пушкина под руководством Дамы в Розовых Очках, и президент государства Азирия – Меркурий Валерьевич Керенский, в тело которого вселился дух замученного палачами 18 летнего музыканта Мах'а, узнавшего не только секреты государственной важности, но и личные тайны правителя страны, – все они, вместе со знакомыми уже читателю героями романа и новыми персонажами, завязаны в клубок общих проблем и чаяний, а так же противоречий и взаимной ненависти. Внимание, читатель: роман содержит сцены яркого эротического раскрепощения, и я надеюсь, они вдохновят вас на более свободное восприятие мира. Поэтому отбросьте предубеждения, и смело следуйте за приключениями героев второй книги романа.

© Baltasar A., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1. В ожидании худшего	7
2. Палач	10
3. Спор Дамы с Палачом	14
4. Торжество Нагваля	17
5. Смертельная беспечность	20
6. Пушкин Александр Сергеевич	22
7. Трип майора Мудаева	27
8. Встреча с покойником	30
9. Шокирующие увлечения	34
10. Неприличный ракурс Александра Сергеевича	37
11. Зловещее застолье	41
12. Психоделическая вакханалия	45
13. Моральное возмездие	48
14. Испачканные в крови кровники	51
15. Унизительное примирение	54
16. Неожиданное воплощение Эрудита Че	58
17. Жертвоприношение	63
18. Виртуальная встреча с Дамой и обитателями Дилленджерз клуба	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Afigo Baltasar

Незаконные похождения Мах'а и Дамы в Розовых Очках. Книга 2

Пушкин Александр Сергеевич – ремесленник, мистик и поэт 1978 года рождения, не нашедший своего места в общественной системе Азирии, и вошедший в конфронтацию с моралью политиков и священнослужителей, чтобы стать символом и рупором восстания анархистов на площади имени Пушкина под руководством Дамы в Розовых Очках, и президент государства Азирия – Меркурий Валерьевич Керенский, в тело которого вселился дух замучанного палачами 18 летнего музыканта Мах'а, узнавшего не только секреты государственной важности, но и личные тайны правителя страны, – все они, вместе со знакомыми уже читателю героями романа и новыми персонажами, завязаны в клубок общих проблем и чаяний, а так же противоречий и взаимной ненависти.

Внимание, читатель: роман содержит сцены яркого эротического раскрепощения, и я надеюсь, они вдохновят вас на более свободное восприятие мира.

Попытки поиска в этом произведении аналогии с реальными объектами мира сего, намеренно предосудительны, поскольку заведомо обнажат порочную склонность искателя видеть в абстрактном и непричастном к предмету его сравнения, нечто совершенно чуждое и постороннее, как часто рассматривают абстрактные рисунки в кабинете психотерапевта маньяки и извращенцы, видя в бессмысленных и хаотичных каракулях предметы их порочных вожделений. Так, например, если в романе присутствует персонаж, называемый «президент», то это не означает какого-либо сравнения или подражания вымышленного героя некоему реальному президенту, или, хотя бы, министру, или войсковому ефрейтору.

Поэтому отбросьте предубеждения, и смело следуйте за приключениями героев второй книги романа.

гlossарий:

*азнет – азирийский аспект интернета.

*Госнаркодонос – азирийский комитет по борьбе с незаконным оборотом запрещённых веществ.

*бурли – мера денег в Азирии.

*Кокус тити – упоминаемая в разговоре героев деловая компания, ведущая свой бизнес на территории Азирийской столицы Сквы.

*Однокурсники – популярная социальная интернет-сеть в Азирии.

*Роис Борисеев – популярный своим скандальным поведением эстрадный артист Азирии.

*Мораль – государственный телеканал Азирии.

*Социизм – прежде существовавший на территории Азирийского государства политический строй, основанный на отсутствии права граждан на частную собственность и передачу таковой по наследству.

*холщёвка – типовое жильё обитателей Азирии эпохи социизма

*тринитрон – базовое название для серии телевизоров одной из фирм в конце двадцатого века

*Институт Шмырова – пользующееся скандальной репутацией государственное образовательное заведение Азирии

*армейцы – древняя народность, описанная в эпосе древних, повлиявших на культуру и религию Азирии народов

*поколение «Ке» – поколение Азирийцев, выросшее при правлении президента Керенского (Керенский Меркурий Валерьевич – президент Азирии)

*плюшки (допчики, порох и кувалда) – жаргонные именованья, известных некоторым исследователям состояний сознания экспериментаторам, веществ

*Патриса – легендарная для Азирийской столицы Сквы улица, где традиционно приобретались искомые Госнарконодосом вещества

*Уру-ра – популярная компьютерная игра

*номер первый или второй номер – вещества, признанные у потребителей наиболее значительными

*дубак – конвойный в лагере для заключённых (жаргонное выражение)

*Халла – мифическая для Азирии обитель древних воинов и поэтов, мистическое место обитания языческих Божеств

*Дилленджерз клуб – подпольный ночной клуб мотоциклистов, разделяющих анархические воззрения в столице Азирии Скве

*Ванштейн (здесь – Соломон) – порнографический продюсер с одноимённой фамилией действительно существовал, и был весьма популярен в США до своего ареста и привлечения к ответственности, после принятия полномочий президента Джозефом Байденом

*Хулио-Джулио – марка производителя товаров сексуальной индустрии, популярная в секс-шопх Азирии и, в частности, её столице – Скве

*Интержандарм – международная правоохранительная структура в описываемой здесь реальности

*Иаков – хитрый (Ветхозаветное)

*Сантана – чем-то схожий и с Сатаной и с Санта Клаусом персонаж тёмного эпоса народов Азирии

*Беломордер – марка папирос, популярная у невзыскательных, но практичных курильщиков Азирии

*Mersidance-Dance – респектабельная марка автомобиля

*Hardley Devilson – популярная у байкеров Азирии марка мотоцикла

*точка сборки – термин, заимствованный из произведений Карлоса Кастанеды

*Soca-Soca – популярная торговая марка

1. В ожидании худшего

– Так эти ребята, и есть – те самые – легендарные “Слуги Ночи”, под предводительством их бессменного руководителя Палача?! Я не раз заходил на их страничку в азнете*. Даже сам президент Керенский и патриарх Соломон Моисеев гоняли вместе с ними на байках... Обалдеть! И я, так запросто, оказался среди них... – оживился, услышавший возгласы толпы Мах.

– Разве ты сразу не понял – кто это? У них же на рукавах и шлемах символика соответствующая имеется... – скупым до восторгов тоном потушил оживление Макса Ярила.

– Они без пахана своего, как правило, никуда не ездят... даже с президентом скорешились с его подачи... хотя, уж наверняка, мало кто тому был рад! – иронично усмехнулся над Максом Дон Джон, бережно поправляя добытую в недавней переделке трофейную кокарду Госнаркодonoса.

– Действительно странно, почему среди них нет самого Палача? По идее он, как руководитель банды, должен, как минимум, стоять среди нас, а то и на возвышении, как Нагваль с Александром Сергеевичем... – теребя свой громадный нос, высказал справедливое до логики недоумение Эрудит.

– Палач... да, это весьма влиятельный человек! Порой, даже наши сотрудники не решались проводить некоторые операции без его ведома и согласия... а он, хотите —верьте, хотите – нет, проводил совместные штабные совещания даже с генералами спецслужб... ведь за ним великая сила – банда негласно вооруженных мотоциклистов, количеством превосходящая тысячу человек! – презентовал личность предводителя байкеров уса́тый майор.

– Как?! Неужели, настолько прогнивший типус? Почему же тогда его не разоблачили в свете неформальной тусы?... Как же он умудряется обхитрить такую кучу народа, почитающего себя свободным людом, сам, при этом, сотрудничая с кентами-закона, не как агент, а как равный среди равных закона-кент?! – разбив пивную бутылку, переданную как угощение одним из байкеров банды Палача об гранитную тумбу, возмущённо воскликнул Дон Джон.

– Так же, как многие, так называемые авторитеты и всякого рода смотрящие в криминальном мире и на зоне, ходят не только на доклад к начальникам в погонах, но и сами задают тон разрабатываемым операциям, где братва ихняя, называющая себя преступниками, и даже не задающая себе резонного вопроса о том, как можно одновременно позировать и гарцевать, кичась своим незаконным статусом перед гражданами, вместе с тем думать, будто делают тёмные делишки, совершенно не в курсе истинных намерений своих руководителей... – просветил наивного идеалиста шнифтового майора, и вздохнул глубже, чтобы набирать сил для продолжения мудрёной лекции, но был перебит на слове, громким, звенящим на всю площадь гласом Велги.

– Кто такой этот Палач?! Почему его нет среди нас?! Ведь должен стоять, как минимум, рядом со мной и рядом с Александром, раз называется предводителем!... И, вообще – почему вся рать его в сборе, а он – отсутствует? Неужели самовольно, повинуюсь лишь воззванию диктора нашей волны, собрались они здесь? Что за чертовщина?!

Толпа забушевала в своём расколе, и было видно, что решить это дело так просто не удастся. Поэтому, гневно взмахнув руками, так, что факелы в кистях её полыхнули ещё сильнее, нарисовав в утреннем небе два огромных жёлто-синих чадящих следа, Велга снизошла на компромисс, заявив о том, что будет рада общению, и даже постарается быть лояльной к персоне ожидаемого всеми Палача, лишь стоит тому показаться, а не прятаться незнамо где, а ещё непонятнее – ради чего.

Узнавший правду из уст майора о столь званом предводителе банды байкеров по имени Палач, верный до справедливости Дон Джон полез уж было наверх, к бронзовому постаменту, к Даме, но, в этот миг исход возникшего противоречия разрешился сам собою, внезапно раз-

давшимися и приближающимся к самому сердцу восстания треском, летящего на угрожающе низкой высоте боевого вертолѐта.

Вслед за вертолѐтом, со стороны Азирийского Кремля возникло некое красочное сверкание, отразившееся в мутном от смога куполе неба искрящейся зарницей, но более привлекающей внимание, исходящим от неё шумом, в котором различались хлопки взрывааемых на фейерверки боевых предупреждающих петард, автоматных выстрелов и лютого гула, работающих в унисон, многочисленных моторов мощных машин.

– Похоже на приближение боевой техники... – наострив уши, предупреждающе мрачно, сообщил свою догадку Ярила.

– Да, колонна бронетехники движется нам навстречу со стороны Кремля! – оживившись до собранной боеготовности, поведал о шуме Че, тут же взявшись за ноутбук, и застучав по клавиатуре с неистовой яростью бывалого хакера.

– Уже от Кремля? Забавно: ведь, всего пару часов назад эта колонна размещалась у Химкинских противотанковых ежей, будучи направленной с севера на Калининградский проспект, где произошёл первый ваш дебош в Балтийском переулке... – с поразительным хладнокровием опытного военного, сообщил свои сведения о противнике майор.

– Ничего! Ещё посмотрим – кто кого! Ведь, и в первую гражданку пускали танки... Да ещё какие – аглицкие, размером с пол дома! А наши – их бутылками со смесью горючей закидали!... – принявшись плясать свой излюбленный танец, верно смахивающий на боевой гопад, завопил во всю свою лужѐную глотку шнифтовой.

– Знал, что влипну, вот и влип! А дальше, видать, и вовсе – звездеч! – с оглушающим чувства отчаянием промямлил Макс, и уселся на ступеньку гранитного помоста, охватив голову ладонями и ероша волосы в причѐску панка.

Весть о высказанных нашими героями сведениях разлетелась по площади со скоростью лесного пожара в период многомесячного зноя; и вот, минуло лишь мгновение, и прежняя восторженность и бравада бесследно растаяла в пелене одновременно зажѐнных сотнями рук сигаретами отчаянья и страха.

Чтобы хоть как-то урезонить смятение чувств и воли толпы народной, Велга махнула поэту, чтобы не молчал, и Александр, надрывая голосовые связки под грохотом вертолѐтной трещотки, разлил над поникшими головами жар новой, согревающей души своей песни: «Мы бросаем тебе вызов, небо! И не нужно нам земных вина и хлеба; не поможет нам из женщин ни одна... нам нужна война! Дух, живи и радуйся в бою! Тебя я страхом смерти напою! Тебе я сердца посвящу горенье! А ты за это, дух, пошли везенье!... И – либо потуши мой пыл совсем, а если нет – то пусть на горе всем, я вспыхну золотым пожаром, зарѐй победы и отваги! Меня поймут, пожалуй, флаги, что реют на ветру, ловя войны... и в этом нет ничьей вины... Мы рьяные ловцы отваги, мы пьяные пивцы победной браги!»

Звучание последних слов стихотворного воззвания поэта почти потерялось, заглушаемое равнодушным, грохочущим треском лопастей, создававших внизу яростный ветер, повлекший ещё больший переполох толпы.

Но, вместе с оглушѐнными своим страхом, в народе были и те, большинством своим из сформировавшегося возле Дилленджерз* клуба войска Велги, на коих стихи поэта повлияли весьма воодушевляюще. Эти, достойные своего имени, анархисты, не признавали даже власти самого страха, и, опьянѐнные, пренебрегая надвигающейся и буквально нависшей угрозой, они, подобно Дону Джону, бросились в разнузданный пляс с оружием наголо, кто – сверкая ножом, кто, потрясая пистолетами, крутились и подпрыгивали на зависть любому лезгину или Самаркандскому дервишу.

Увидав их дикое беснование, Велга тоже стряхнула с себя страх за общий упадок духа, и, набравшись в их сумасбродстве новой решительности, выкрикнула в толпу свой спасительный

клич: «А ну, люди! Что ж приуныли-то?! Глядите лучше на собратьев ваших, что лихо пляшут перед битвой! И духом не падайте, потому что будет вам сейчас явлено чудо!»

Не все, конечно, из толпы, но многие, а особо те, что держались прежде близ Нагваля, повернули свои угрюмые головы к последней надежде, уповая на Велгу, почти уверенные в силе её обещания, вспоминая о том, как прежде выбрались из крутой переделки победителями.

2. Палач

В этот миг с неба, пересиливая шум лопастей, и, словно бы объявляя Судный День, раздался ржавый металлический скрежет громкоговорителя, а за ним и сам, искажённый рупором, официальный в своей интонации голос блюстителя закона.

– Внимание, граждане! – начал вещать сей голос, и продолжил, сухо прокашлявшись: «От имени государства и закона мы обещаем вам не применять силовых мер воздействия... но это касается лишь тех, кто повинуется приказу сдать оружие... сдайте оружие и оставайтесь на своих местах! Все ваши передвижения будут зафиксированы! Любая попытка перемещения будет рассматриваться, как намеренное сопротивление властям!»

– Уверен, Нагваль, что их требование оставаться на месте, в первую очередь обращено именно к нам с вами! – бесстрастно прокомментировал слова с небес Ярослав.

– Верно, боец! Так оно и есть, раз придурки эти зависли на своей трещотке прямо над нами! Вывод здесь один: те бродяги, что тусят вдали от памятника, интересуют их меньше! – подняв сжатые кулаки в знак угрозы и неповиновения, согласился с Ярилой Дон Джон.

– Ах, если б мог я повлиять на их бортовой компьютер! Но, чтобы сделать такое, нужна аппаратура, посильнее моих мобильных средств... вот над Дилленджерз клубом я бы их приземлил, или хотя бы заставил бы понервничать! – с отчаянием азартного игрока, заявил Эрудит Че.

– Теперь-то уж нам действительно придётся сдаться... – с горестным облегчением проигравшего рассудил Макс.

– Да, дела наши плохи! Они действительно метят приземлиться рядом с нами... Если дать дёру, с высоты перестреляют как зайцев! А уж о бронетехнике в паре улиц от нашего балагана, я вообще – боюсь упоминать! Ведь, если нагрянут, то не спасут никакие переодевания в жандармскую форму... раздавят на слепую – всех разом! – почёсывая волевым и щетинистым свой подбородок, дал оценку ситуации майор, не понаслышке знающий о делах, подобных этому.

И во всех этих жутких прогнозах вероятной перспективы, как, впрочем, и в необоснованной задиристости пьяных духом и вином хулиганов, одна лишь Велга демонстрировала неподражаемый пример спокойствия и силы, зачем-то даже небрежно посмеиваясь над происходящим вокруг, чем пугала простой народ сильнее, нежели поддерживала надеждой.

Вертолётный рупор, меж тем, зафыркал какие-то полусловия, давая понять находящимся под его тенью людям, что разговор с ними – заведомо проигравшими силе и власти – окончен, и, что если и осталось делать дальше что-то, то лишь беспрекословно выполнять приказ.

Зеленовато-серый, похожий на большой утюг, военный вертолёт принялся кружиться над сквером, медленно, но верно сокращая радиус полёта.

Снизу было видно, что лётчик метит точно на пятачок перед памятником, а нарочито замедленное его снижение воспринималось с земли неким триумфальным жестом кичливого победителя.

И вот, шумному небесному чудищу осталось преодолеть какую-то дюжину метров над опустевшим пятачком возле подножия бронзового поэта. И неформальный сброд, испуганный необходимостью нарушить приказ сверху, но и не желающий быть раздавленным железным пузом вертолёта, отступил со своих прежних позиций и подался вспять – к отступлению, верно и скоро расширяя место для посадки.

Именно в этот момент, выглядящий однозначным поражением мятежа, обозначенного растерянным заявлением Ярилы о том, что стрелять на поражение машины – сродни самоубийству, Велга схватилась за короткий автомат, сунутый ей заботливым и рьяным до противостояния шнифтовым.

И без того напуганную бегущими людьми площадь растревожил ещё сильнее звук раздавшихся выстрелов укороченного “Шапаша” калибра 7,42, пересиливший своим бесподобным звучанием даже треск лопасти противника. Пули пролетели в разные стороны, ничуть не метаясь попасть в стальной борт летающего монстра, но вместо попадания в плоть, расчистили себе дорогу к вниманию пренебрегающих народом чиновников, преждевременно возомнивших себя победителями и оттого глухих, способных слышать лишь голос реального оружия.

Вертолёт тут же замер и, удерживаясь в одной точке небесного пространства, закружил вокруг самого себя, будто дикий зверь, обзлившийся на собственный хвост.

– Повторяю приказ: бросить оружие и оставаться на местах! – с заметно притихшей бравадой в интонации, крикнул человек с рупором, и тут же настороженно замолк, явно вслушиваясь в площадной шум.

– Притих, сволочь?! Слушаешь? Тогда слушай, что я скажу тебе!... – взмахнув факелами и, небрежно отбросив сыгравший необходимую роль автомат обратно шнифтовому в руки, властным, на зависть любому чиновнику, гласом обратилась к сидящим в железном чудовище людям Велга.

Неразборчивое хмыканье, прозвучавшее из вертолёта, в ответ на дерзкие слова Нагваля, должно было означать ответ, достойный её речи, ответ, как минимум, смелый и осаживающий распоясавшуюся хулиганку, позволившую себе грубить и оскорблять представителей законной власти; но, вместо этого, не встречавшие ещё в своей практике такой смелости от противостоящей стороны чиновники весьма растерялись и, вместо слов, выпестовали в воздух какие-то хаотичные звуки.

– Разогнать народ решили, господа хорошие?! Когда собирается народ, не по душе вам дело эдакое?... – выкрикнула следующие слова Велга, и они звучали уже, как приговор: «А ведь люди эти живут здесь, в этом городе, в этой стране... и кто трудится из них, а кто крутится, а кто и баклуши бьёт – кому как нравится, и кто как может сегодня... ведь прежде – при социализме* люди эти не имели права даже на собственность, и когда ветхий политический строй Азирии пал, оказались в условиях неравной конкуренции с жителями свободного мира, уже имеющими капитал, как наследство и как плоды своего труда... а наши – вышли из социализма нищими, из отсталой станы устаревших технологий, повсеместной разрухи и рабского принудительного труда за похлёбку и куций ночлег в убогих холщёвках*, и дошло до того, что главным предметом продажи и предпринимательства стал живой товар – дети, преимущественно несовершеннолетние девчонки Азирии стали проститутками, чтобы прокормить свои семьи, улучшить убогое материальное положение... тогда как ресурсы и недра этой страны узурпировала группа эгоистичных соакционеров – нынешнее правительство, олигархи, а не все, прежде лишённые права на собственность граждане Азирии, что было бы справедливо – сделать соакционерами всех ныне протестующих и обездоленных, всех этих, вышедших на улицу сегодня оборванцев, и тех и этих, всех нас – наследников этой земли! А они – люди чуткие до справедливости, и потому, когда вдруг война – все за вас, за ваше государство ратать должны будут – и тунеядцы прежние и работяги, все, лишённые своей доли и наследства... все они – все простые люди жертвуют даже своим правом жить или умереть именно для вашего государства! Но этого вам мало, и чтобы иметь с человека ещё больше, чтобы попробовать выжать его до последней потенциальной капли, государство ваше применяет всё более изощрённые уловки... и вот уже прежде здравствовавший гражданин, чудом или божьим провидением не отдавший свою жизнь в каком-нибудь межрегиональном конфликте группировок за ресурс, сегодня обложен налогами, скован социальными и нравственными обязательствами, и узы тех обязательств всё крепче, всё туже день ото дня... вот он должен бросить курить; вот он – вышедший из эпохи социализма голодранец должен создать семью и взять для этого кредит; вот он должен перестать употреблять спиртное и любые вещества, чтобы избежать штрафа дорожной инспекции, когда будет пользоваться взятым в кредит автомобилем... вот он должен сублимировать свои

инстинкты, чтобы воспитать для государства сверх нравственных детей в условиях идеальной семьи, а следом отказаться от права путешествовать по миру свободно, и оставить эту несвободу в наследство своим детям... а вот он становится обязан платить налог за тунеядство в условиях стабильной безработицы и неуверенности в завтрашнем дне... а следом он должен участвовать в процессе суда над неугодными государству... и даже обязан донести на своего родственника под угрозой казни и расправы над ним самим, а следом добровольно, но истинно – из страха тот гражданин позволяет государству лишить его права на любое доступное благо, и позволяет навязывать ему любые вздорные ограничения... Всё больше уловок, всё меньше свободы! Всё меньше человеческого, и всё больше свинского! Увы такая атмосфера внутри одного общества, внутри одного государства долго держаться не может... всегда потребуется отдушина, потребуется прорыв оболочки, душащей собственное население без реальной причины! И если побеждает стремление к гражданской свободе, а не военная хунта, то происходит то, что начало происходить сегодня – бунт, восстание, революция!

От услышанной, даже сквозь грохот лопастей вертолѐта, речи Нагваля, все, кто сидел там – в пузатом камуфлированном стальном салоне летающего судна пассажиры, вместе с самим пилотом, повысовывали верхи фигур своих, предоставив на неформальное обозрение, преимущественно чинно зачѐсанные под уставной положняк, забытые государственными нуждами бошки.

Даже снизу было видно, что блюстители законопослушания буквально онемели от столь знатного манифеста, искренне понимая, что ораторствовать Нагвалю вопреки, будет смеху подобно.

Но всё ж один из них, будто в насмешку над своими товарищами по купе вертолѐта – небритый, причѐсанный весьма небрежно и даже буквально длинноволосый, облачѐнный, как было видно даже снизу, в откровенно неформальное одеяние, средних лет, но относительно молодой на вид мужчина, нашѐл смелость дерзнуть в ответ, выплеснув из своего, кривого от позѐрской ироничной улыбки сального рта следующее: «Эй, там, внизу, на памятнике, дамочка! Послушай! Не много ли берѐшь на себя, красавица звонкоротая, когда звездует так дерзко с теми, кого даже не знаешь? Не иначе, как зачесалось зудом у тебя в публичных местах тела твоего модельного, шлюшка, раз так верещишь своим напомаженным отверстием, куда кобели нужду справляют по надобности?!... Так знай: мне лично неинтересно, что соска твоя там звездячит! Но, за базаром следить, что не научили тебя хахали – это дело криминальное! За такой базарчик тебя и на общак, пацанам отдать не грех... А опустить тебя, мокрошѐлку балавую, полюбѐ, придѐтся!... Так что думай, как с тобой поступать – по совести или по понятиям, шалавка!»

Произнесѐнные в рупор, слова человека этого, имеющего вокальный злой бас, произвели на оставшуюся возле памятника толпу эффект значительно больший, чем любые сухоголовые угрозы чиновников в серой форме. Вместе с тем, и вид сей ритор имел внушающий: будучи одет, как виделось снизу, в весьма неформальный костюм. Торс ритора украшала кожаная куртка “косуха”, а поверх лба, едва удерживая пышные патлы, намотана была у него и бандана, раздражающе алого цвета, в тон пѐстрой, нарочито распахнутой, с широким воротником рубахи, до окаймленного золотыми цепями пупа.

Ничуть не растерявшись от столь физиологичных оскорблений, Велга тут же ответила ему своё слово, спросив с безжалостной насмешкой умницы: «А сам-то ты, кто?... Уж не кум ли зашерстившийся, коли базаришь с эдаким фраерским понтом? А одет, ля-ля-ля, бука, как голубь Гамбургский... не говоря уж о том, что сидишь в одном корыте со свиньями!»

От такого, годного скорее для атаки ответа, грубый ритор сей осел обратно в кабину, то ли намереваясь собраться с мыслями, толи по необходимости совета у бортового компьютера. Вместе с тем, остальные, преимущественно одетые в казѐнную форму его товарищи, продолжали висеть в вертолѐте, высунув в окна добрые половины своих тел и, слушая этот диалог,

открыли даже рты, сделавшись похожими на вываливших из пастей языки, служебных собак, ужаревших в тесной, казённой общей будке.

– Я, кто буду, – ты говоришь? – вновь вытаращив свой пижонский, приклатнённый торс из окна вертолёт, завопил, обращаясь к Велге уже без всякого усилителя голоса, тот самый грубиян-оратор: «Я-то – известно кто! У людей поспрашивай, кто я... а вот ты – от какой масти заделалась, лярва?!»

Поставленная таким бескомпромиссным выбором в логический тупик Велга, с отвращением фыркнув, принялась крутить головой, глазами своими высматривая какого-нибудь спасительного ответа от любого, держащегося неподалеку оборванца, – будь то бородатый грязнуля байкер или вовсе – созвучный по внешности со своим именованием оборванец-панк, – лишь бы хоть намекнул бы, как, не манифестируя своего высокого имени, кое и для астрала звучало весьма внушительно, вывести хотя бы кличку этого гнусного грубияна и забияки, отважившегося, пренебрегши всеми правилами приличного тона, беспардонно замарать её – Даму в Розовых Очках, держащую в своих руках власть над целым войском необузданных, вооружённых до зубов дикарей, пару часов назад одержавших внушительную для неизбежного порядка вещей победу.

– Активист он, мать! Называется лишь главарём ихним – главарём преступной группы, а сам – прожандармленный, что галоша резиновая... Палачом его – оборотня, кличут не зря! – оказавшись в нужное время в нужном месте, с волнительным облегчением души своей анархиста, поведал Даме об услышанном от майора шнифтовой.

Благодарственно кивнув своему верному другу и вратарю клуба Дилленджерз, Велга снова подняла голову к зависшему над памятником вражьему вертолёту, но в этот раз голова её приподнялась с ещё большей гордостью, с абсолютной уверенностью в силе своей и правде.

– Нравится тебе твоё имя? – словно разогреваясь перед жаркой схваткой, задала вводный для острой дискуссии вопрос Дама, и продолжала, говоря слова свои с той непоколебимой уверенностью, кою удерживают в интонации лишь вещающие истину и борющиеся за справедливость обвинители: «Да... ты действительно – палач! Не зря носишь ты это жуткое для слуха имя... но, назвав себя так для других, ты ошибся, потому что ты – есть собственный свой экзекутор... и ложь твоя, в коей ты весьма уж запутался, станет для тебя же плахой и топором возмездия за собственное порождение!»

Воззвание Дамы-Нагваль к уму и совести руководителя банды байкеров, с романтическим названием “Слуги Ночи”, прозвучало для всех неформалов как слова, обращённые больше к сердцам и чувствам мятущегося под памятником простого люда, нежели как, обращённые к совести и вразумлению самого его – Палача, принявшегося вдруг неистово хохотать, указывая оперстнённым бриллиантовыми черепами и рубиновыми звёздами пальцем в неё – свою обвинительницу Велгу.

3. Спор Дамы с Палачом

Народ на площади притих в смятении, разбуженных откровениями Велги сокровенных чувств, разумом своим общим пытаюсь спорить или лучше понять. Но все их противоречия запутывались в нитях, пробивающегося сквозь туман и смог утреннего солнца, распускающего лучи свои всё шире, все объемней, рассеивая ими прежние вежды слепых заблуждений толпы сей, хозяин коей, хоть и летел ныне в высоте над головами своих вассалов, хоть и держался надменно и гордо, дерзя самой повелительнице смешавшегося внизу войска свободных анархистов, но всё же, отныне воспринимался их прежде бессменный вождь, как будто в другом свете, как будто бы потерявшим прежний свой лик, вызывавший прежде несомненное их почитание. Он выглядел ныне чужаком, властительным и сильным, но уж не тем, с кем привыкли делиться они своими чаяниями, неким эфемерным существом, существом, порождённым чуждыми вольным людям замыслами, существом, слившимся в своих намерениях с теми, кто был ему ближе в данный момент, а не с теми, кто стоял внизу, ожидая его поддержки и воли.

– Ишь ты – птица Гамаюн! Эко ты расчирикалась! Так спела, что и разобрать-то ничего невозможно!... Понял я лишь, что обвиняешь ты меня в какой-то лжи... Но, вот, кого я и чем обманул – этого ты не сказала... А если ты думаешь, будто летать на вертолёте с видными и уважаемыми людьми вместе – какое-то запаadlo, то – ошибаешься! Никто из моих людей не пострадал ещё от того, что в друзьях моих генералы и священники, от того, что покровительствует мне сам президент!... Да, мои люди гордятся этим делом! Такая положуха им всем по кайфу! Их уважают не только в народе, но и власть считается с ними, как с достойной уважения силой! Поэтому, возвышенные речи твои, кукла, – лишь эмоции неудовлетворённой дамочки... А уж о том, что называешь ты себя лидером народа... Ха! Это и вовсе – вопрос не здравого рассудка, а скорее – психическое отклонение... поэтому, согласишься с тем, что проиграла, с тем, что полезла вверх без оснований! И, умоляю – оставь свои мистические бредни! Слезай-ка, девочка, с трибуны, и не пытайся морочить людям голову! – уверенно и спокойно, приладив ради громкости произносимого рупор, с усмешкой триумфатора, опроверг вешание Нагваля, кружащий в воздухе Палач.

Услышав столь непоколебимое пренебрежение к любым своим словам, Велга широко развела руки, демонстрируя знак неизбежного отчаяния в возможности что-то исправить; и жест её был посвящён не кружащему над головой противнику, а всем тем людям, что слушали внизу, и действительно ждали истинного ответа, на ставший очевидным вопрос о сути и роли руководившего ими до сей поры человека. Ведь, в сравнении с ним, Велга вела себя подчёркнуто прямо со своими людьми, и давала всем им то, на что они надеялись истинно, не вводя в заблуждение, относительно цели и сути совместной их борьбы, как то обыкновенно делал Палач, призывая к себе анархистов обещаниями задорного разгула, посулом изменить жизнь к лучшему, дабы и они могли помочь нуждающимся в помощи беднякам и простолюдинам; но анархисты его, до сей поры, так и оставались в ожидании свободы, словно служащие, получая лишь сиюминутные удовольствия, и утешая чувство собственной важности самым фактом своей красоты, гарцуя, но, не имея оснований для истинного самоуважения и почитания в народе, покуда не делали ничего для народа полезного.

– Люди! – перекрикивая разрушающий свободу общения шум от вертящихся над головой лопастей, выкрикнула в толпу Велга, не поднимая уж головы своей к упрямо опровергающему любые справедливые возражения главарю части стоящих под её ногами и накрытых тенью механического стального зверя народных неформалов, тенью, отогнать кою вознамерилась она уже не шуткой гневных слов, а настоящим призывом, решить уж раз и навсегда – с кем им оставаться.

Поэтому, обращаясь к ним, Дама заговорила так: «Люди мои, к Вам обращаюсь! Уж вразумите этих добрых, обманутых свободолюбцев, понадеявшихся однажды на волю пообещавшего им свободу человека, но обманувшего их... в том вразумите, что свобода эта достижима! Собственным рассказом о случившемся с вами, покуда были со мной, вразумите о том, что есть раздолье в этой жизни, что не всё кругом порядок и ожидание чуда, а что есть право это чудо лицезреть, и даже участвовать в его становлении! Так же, если осталось у вас, чем поделиться из добытых нами средств духовных или материальных, дайте им! Пусть вкусят, плоть и кровь свою, наполнив свободой; и пусть решают – куда идти, с кем оставаться, и на что надеяться!... А я, сами знаете, – обещаю лишь свободу! И вот, уж и дышать вам становится легче, взхлёб уж упиваетесь!... Обещаю разгул и, вот уж, пляс так пляс!... Они-то – его которые – хоть и стоят здесь, с вами рядом, а ничего подобного вашему ещё и не переживали... поэтому – поделитесь с ними, чем можете, поддержите их дух словом и делом, чтоб решились скорее, как быть им дальше – анархистами или гражданами, под Палачом... пусть решают скорее ныне, ибо минуту вам даю на решение, пока не увидите чудо моё вам в назидание! А уж, как увидите чудо, то уж поздно решать будет – с кем, да как, – ибо начнётся для всех новое время! Ну, а с этим лжецом, что трещит, портя воздух над головой, я разговаривать боле не стану, пококму ложь его, уже им самим и правит, и живёт он, видать, лишь на её силе, раз нагло выворачивает слова мои, и выставляет себя героем, что ли, там – в железном корыте, с жандармами рядом!»

Сторонники Нагваля, в знак согласия и почитания единого с нею замысла, приподняли свои руки с зажжёнными предметами – из тех, что могли как-то гореть, будь то зажигалки, факела или облитые бензином куски одежды.

Прочие неформалы – из числа тех, что принадлежали Палачу, с робкой и виноватой опасливостью приподняли глаза на лидера, грозно потрясающего им с небесной высоты кулаком; а после, как будто осознавая в какой постыдной кабале очутились, боясь проявлять свою волю свободно, и вечно взирая на авторитет главаря, по сути – живущего своей, отдельной от интересов паствы жизнью, решительно отвернулись прочь от гнетущего с высоты небес, но, по сути, чуждого природе и естеству наваждения, стрекочущей и навевающей дымный ветер машины, да лживых людей, в ней обосновавшихся.

Сделавшиеся верными Велге в состоявшихся этим вечером событиях люди передавали уже нарочито демонстративно те белые комочки пыли, что соскребли прежде с сорванного рекламного щита в парке, возле штаба Госнаркодоноса, тем, на кого решилась дополнительно рассчитывать женщина-Нагваль, уговорив своих, сделать своими и этих, отвернувших глаза от грозящего шумом и чадом небесного возмездия, принявшего облик человека, называющего себя палачом, а не спасителем, как то, вполне искренне, делала наша Дама.

Ну, а сам, вызвавшийся ради чествования своего собственного величия Палач, тем временем, продолжал выкрикивать с высоты полёта железной машины и оскорбления и порицания ей, отнимающей у него, прямо на глазах толпы, ту власть, за которую более всего он держался. Грубым, надменным голосом, произносящим ругательства, естественней нормальных слов, он обвинил её в необоснованной дерзости, в отсутствии поддержки именитых авторитетов общества, в склонении добронравственных людей к бражничеству и разврату, и даже – в самой красоте её, переиначивая на лад патриархальных моралистов сие изысканное достоинство нашей Дамы в недостаток и природное зло.

– Давай, давай, кричи, придурок! Обвиняй меня в том, чем сама я горжусь! Порицай меня, как нарушительницу закона, тогда как паства твоя, именно этой надеждой, в коей видит свободу, обманута тобой прежде!... Ну, а я – виноватая! Конечно... ведь нарушаю законы гражданского общества, и склоняю к этому народ, добровольно желающий называться анархистами, не знавший прежде, как им себя проявлять на этом поприще – под твоим хитрым гнётом лживой власти, призывающей к одному, а дающей – всё то же, всё тот же порядок иерархии

принуждения! – уже откровенно смеясь ему в лицо, кричала в ответ Велга, видя, как сотни прежних обманутых сотоварищей Палача братаются с пришедшими за нею следом.

– А раз так, сука, то будет тебе сейчас дан последний, реальный аргумент моей власти над этими людьми... и тогда посмотрим – не поползут ли на коленях, просить у меня прощения и твои оборванцы! – совсем уж рассвирепев от бессилия что-либо изменить с помощью гуманных аргументов, выкрикнул, хранимое до последнего возражение, теряющий власть над самим собой, с каждым новым произносимым собственным словом Палач, и, скрывшись в стальном убежище кабины, взмыл, вместе со своей небесной машиной в высоту, рассеявшегося уже над столицей смога утренних испарений деловой жизни города.

4. Торжество Нагваля

Вертолёт его крутанулся над памятником, и, обдав толпу волной ветра, поднялся в небо. Минуту несколько мгновений, и вот уже превратился он в чёрную точку, смотрящую глазом из серой, вставшей куполом посреди очистившегося до синего горизонта тучки, подсвечиваемой с востока золотым, пытающимся пробиться сквозь неё сиянием, подмятого её мрачной массой, восходящего солнца.

– Поднялся, чтобы слезть с мушки! Ведь они думают, что мы их держим на прицеле, хоть и виду не показывают... – дал оценку происходящему военный стратег Ярила.

– Если за полминуты мы не разбежимся, – звезда! – уверенно кивнув, согласился с ним майор.

– А мы ведь не успеем! – растопырив ноги в разные стороны, в поисках удачного направления бегства, ахнул Макс.

– Будем метить и стрелять в них тем, что имеем! – воинственно решил Дон Джон, вытянув вверх руку с обрезанным, и годящимся скорее для выставки как музейный экспонат, своим автоматом “Шапошникова”.

– Молитву, что ли, какую-нибудь прочитать?... Да не знаю не одной! – отчаянно признался в наличии затаённой под маской скепсиса и рассудительности веры, поникшей и телом и духом, почти склонившийся уже к земле на четвереньки Эрудит.

– Красиво летает! В мой век такого чуда не бывало! – вопреки всем страхам, как будто бы, не понимая даже сути и последствий происходящего, романтично возвысил голос поэт Александр.

– Чуй им, а не поражение наше! Обещала я вам чудо?... Ну, вот и пришло то самое время, когда вам – чудо, а им – чуй! – яростно выпрямившись во всю свою великолепную статью, возразила всем Велга, и извлекла испод одежды, хранимый доселе ею в лифе, меж грудями, кристалл-проводник, позабытый прочими участниками боя в суете земных перипетий. Поднятый на ладони Нагваля кристалл засверкал в небе яркими цветами улавливаемого света, и будто озарил, помрачневшую от отчаяния и страха площадь лучами недостающего в сей миг солнца.

– Вуаля! Фокус-покус! – с задорным, азартным весельем, идущего в пекло битвы воина, завизжала Велга, и, выпрямив руку в направлении приближающегося чёрного пятна вертолёта противника, яростно прицелилась сквозь кристалл розовым взглядом крыльев бабочки.

Лежащий среди ладони Нагваля кристалл, вдруг вспыхнул собственным светом – флуоресцентным радужным спектром; и снизу, тем людям, что наблюдали за этим, показалось, будто Велга, посмотрев на него, тем самым и заставила полыхнуть то чарующее сияние.

Вертолёт стремительно приближался, сделавшись, на вид смотрящего снизу наблюдателя, угрожающе крупным чёрным зверем, спешащим к своей добыче без тени сомнения в победе.

Ну, а на памятнике, возвышаясь над ошарашенной таким зрелищем толпой, раскинув руки вверх, будто ожидающая дождя жрица, приближения железного чудища ждала Велга. И левая рука её испускала через раскрытую ладонь, с возлежащим на ней кристаллом, свет всё более яркий, принимающий форму конуса, вершиной направленного во враждебное, загороженное железной тучей небо.

Свет кристалла усиливался прямо на глазах, как будто питаясь неким энергетическим источником, а конус, исторгаемый им ввысь, вытягивался, превращаясь в сфокусированный, заострённый на конце своём луч.

Вот вертолёт приблизился на первоначальную, занимаемую им прежде высоту, и каждый из стоящих внизу человек смог разглядеть на бортах железного монстра, выдвинутые в миг возвышения наружу, ошестившиеся толстыми дулами, мощные пулемёты.

Зрелище уничтожающей живую плоть машины повергло многих пасть ниц – лицом в асфальт; но именно они и не увидели того, как луч с кристалла Нагваля коснулся грязного, чёрно-зелёного борта боевой воздушной машины, и как та, вдруг, словно потеряв контроль над управлением, завертелась в небе, подобно раненой птице, начав неуклонно падать вниз, ведомая ходом замедляющихся в движении лопастей.

Сама Велга, всё это время, длившееся всего секунды, неотрывно преследовала тело железного зверя, направленным на него лучом, со своей, поднятой на прицел ладони.

Крики, выстрелы смех и ругательства – всё смешалось в единый вопль ликующего народа, со слезами на глазах празднующего избавление от казавшейся неминуемой гибели. И тут – в этой свистопляске, чьи-то слова о вере, чуде и магии, уже не звучали какими-то вздорными заблуждениями опьянённых веществами и алкоголем дикарей. Нет... слова на эту тему, вдруг, за минуту, приобрели ценность и почитание, а народ весь спешил приблизиться обратно к памятнику, где собрались стойкие духом и верные Велге.

Вертолёт же, хрипя затормозившими свой ход моторами, скрипя об асфальт не останавливающими верчение лопастями, ворочался на пятачке изуродованного им асфальта, будучи брошенным с небес прямо под ноги бронзового изваяния борца со злом былой эпохи.

Ну, а те brave становители своего порядка, кичившиеся минутой прежде собственной непобедимостью, истошно верещали, из заблокированной ударом, измятой кабины; верещали стенания боли и молитвенные упования к собственному богу, как им казалось позволившему им пренебрегать чужими жизнями и судьбами, но в миг собственной боли и отчаяния, призываемому во спасение.

Спеша приблизиться к Нагвалю, анархисты обходили стороной, упавший к подножию памятника вертолёт, опасаясь не только того, что мог он внезапно полыхнуть или взорваться, а более – как ни странно, чураясь приближения к нему, как к заражённому чумой разбойнику, обвинённому во грехе и богоборчестве, и передавали из уст в уста те слова, что недавно выкрикивала Палачу Велга, вспоминая их меж собой, и собирая по кусочкам смысл высказанной ею речи.

– Не бойтесь! Взорвётся он вряд ли! – повелительно звеня своим певучим голосом, подзывала к себе народ Велга, предварительно получив заключение эксперта в делах, подобных этому – Ярилы. Да и майор, повидавший прежде немало, был согласен на сей счёт, и, сохраняя воинскую непоколебимость, размеренно попыхивал своей душистой трубкой, стоя рядом со стопой Нагваля в блаженном спокойствии.

Шум и гам, эйфория, и поселившаяся в людях вера, значительно притупили общий взгляд на реальность происходящего, а, тем не менее, секунды, выраставшие в минуты, приближали к войску Велги новый, пока ещё далекий шум надвигающейся орды боевой техники со стороны Кремля.

Отпраздновав победу, выкуранным со шнифтовым бычком, подаренным кем-то из банды Палача, Ярила, с привычной для него собранностью, вновь проникшись ответственностью за руководство войска Нагваля, обратился к Даме с предложением осмотреть упавший вертолёт противника на повод наличия в нём полезных трофеев.

– Судя по приближающимся от Кремля звукам, хотя бы один тяжёлый пулемёт снять с вертолёта нужно, чтобы, например, попробовать закрепить его на заднем багажнике Вашей машины, дабы хоть гибель наша неминуемая выглядела в глазах общественности достойно... – согласился с Ярилой майор, притушивая трубку большой серебряной монетой, хранимой с нею в одном чехле, как необходимый для курения аксессуар, прямо возле сердца, под бортом сюртука.

– И компьютер бортовой на запчасти может сгодиться! – обрадовался предложению майора, суетливо мельтешащий вокруг памятника, братаясь с вновь обращёнными в войско Велги мотоциклистами Эрудит.

– Дело! Отломаю у них какой-нибудь дред на феньки! – по-деловому, будто намереваясь сделать что-то полезное, отозвался на их сборы, распивающий брагу с байкерами поверженного Палача Дон Джон.

5. Смертельная беспечность

– Идите, делайте что нужно! – властно кивнула им Велга, сама уж начав нервничать от грохочущих вдали звуков надвигающейся техники врага.

Но, в этот миг, расслышавший их дело поэт, уставший томиться рядом со своим бронзовым двойником в праздном безделье, на фоне столь динамичных событий, спрыгнул вниз, к людям, и, дав себя внимательнее рассмотреть, как подобного прочим человека из плоти и крови, вызвался изучить внутренности, чудесного для него и, как он утверждал, впервые видимого, летающего чудовища.

– Дело это – опасное! Неизвестно – в каком они там состоянии... да и машина сама может вдруг загореться... – назидательно предостерёг его Ярослав, осматривая фигуру вещателя с точки зрения сравнения уродливого роста Эрудита и его одарённого поэтическим талантом протеже, чуть дотягивающего высотой головы до плеча майора.

– Подумаешь – опасное! Чего мне терять, – ведь памятник, и так, вон уже стоит... – со свойственным поэтам легкомыслием отшутился от предостережений Александр, и, зацепившись за предложенную шнифтовым бутылку пива, ринулся вслед решительно настроенной кампании исследователей экстрима.

Подойдя на достаточно близкое расстояние, все они, включая поплетшегося следом из любопытства и желания не отставать в самоутверждении перед новыми лицами Макса, выстроились возле кряхтящего, но уже не ворочающегося как прежде вертолёт, ровным полукругом загордив измятую кабину поясом из отважных тел.

Из разбитого окна поверженной машины аппетитно высовывался громадный чёрный пулемет, лишь ручка которого пряталась где-то во тьме, прикрытого обломками гнутой стали салона.

Именно этот пулемёт приглянулся Яриле, как наиболее доступный для похищения и использования предмет. Кивнув майору некий условленный в боевых операциях знак, он полез на крышу, оттягивать, заслонившую проход внутрь салона сталь; а взгромоздившись поверх чудища, принялся выворачивать мешающую смотреть внутрь железяку наружу, ногами и руками уцепившись за её края, и не ведая того, что приоткрылось взорам прочих наших героев, смотрящих внутрь с преступным легкомыслием, зачарованных музейными экспонатами туристов.

А в этот момент, с той стороны битого стекла и гнутой стали, всё отчетливее освещаясь дневным светом от отодвигаемой Ярилой заслонки, на компанию их взирали два, красных от крови и лютой ненависти глаза, смотрящих с облепленного разметававшимися кроваво-потными патлами небритого лица, поверженного и лишённого любых надежд, бывшего главаря банды байкеров – того самого Палача, с которым боролась магией и словом Велга.

– А-а-а! Вот он ты – вестник болтливый, нарушитель моей силы! – прохрипел из полумрака знакомый всем бас главаря обманутой им банды, и пулемёт исторг из дюймового своего дула фонтан огненных брызг.

Никто из выстроившихся перед логовом смертельного гнева не был готов к такому повороту, внутренне уверившись в том, что присутствием своим оказывает им – заключённым в курочище, благоденствие от явившихся на помощь победивших их спасителей. Лишь уса́тый майор, согласовав свои действия с Ярилой, старался держаться ближе к торчащему наружу дулу, выставив в ответ, выданный ему в знак доверия самой Дамой, уравнивающий принцип взаимной безопасности автомат Шапошникова. Но выстрел из вражьего логова опередил и его боевую реакцию, обманув благородное желание уса́того военного принять ответственность, и даже сам вероятный огонь на себя.

Отчаявшийся в своём поражении Палач, нажимая на спусковую гашетку, неожиданно рванул пулемёт в сторону, из темноты своего убежища разглядев, сколь аккуратно обступили стороной, торчащее из салона, голодное до крови дуло анархисты. Прицел его был направлен туда же, куда и наполненные ядом проклятия слова возмездия – в сделавшуюся особо ненавистной плоть, захватившего внимание и преданность его прежних вассалов, тщедушного двойника, возвышающегося над площадью памятника.

И всё же, майор успел ретиво метнуться следом за двинувшимся в сторону дулом, буквально загородив огнёмётное отверстие своей грудью, и сбив-таки прицел его вниз, позволяя летящим в людей пулям лишь насладиться отчаянным дроблением подножного асфальта на куски и пыль. Китель майора мгновенно окрасился алым, и, почерневшее от пороховой гари отверстие, напротив украшенного форменным карманом сердца, напомнило увидевшим это о подобном, но случившемся, как раз, от его же собственной руки в отношении молодого сотрудника Госнаркодона Жеки во время захвата штаба Мудаева на Пречистинке.

В сей миг, курочащая подножный асфальт стрельба внезапно прекратилась, остановленная, упавшим с крыши вертолёта листом железа, что удерживал Ярила, до последних пор надевавшийся на открытие встречного огня, стоящими внизу, своими товарищами. Бросить свою роковую ношу он мог бы и долей секунды прежде, но удержал, позволив трагедии свершиться сполна, лишь потому что надеялся принципиально, как то и положено в боевых операциях, на встречную атаку самого майора, хоть и раненного в самую грудь, но нашедшего в себе силы стрелнуть в ответ, из последних сил, целясь в шевелящуюся среди коварной тьмы фигуру врага.

Нерасторопные, на фоне разыгравших этот бой воинов, друзья Нагваля опомнились от обуявшего их шока лишь тогда, когда железный лист из рук Ярилы вновь захлопнул, приоткрывшуюся ради принятия новой жертвы, пасть оголодавшей смерти.

6. Пушкин Александр Сергеевич

Майор, державшийся при подступе к обломкам вертолѐта в авангарде, будучи раненным в грудь, вызвал к себе всеобщее внимание. Дон Джон, Эрудит и Макс, мигом подбежав к нему, упавшему на спину и раскинувшему руки широко в стороны, склонились над содрогающейся его фигурой, тщетно правя горячую рану неумелыми жестами.

Но истинный сюрприз коварного злодеятеля открылся им лишь в тот миг, когда сзади, с высоты памятника, долетел до сего места истошный вопль Велги, призвавший всех обернуться и увидеть, лежащего за их спинами, растерзанного пулями в рваные клочья, окровавленного до отсутствия белой плоти поэта.

– Погиб поэт! – подал с земли глухой голос майор, одним приоткрытым глазом своим, взирая в сторону, дымящихся ещё от огня, окровавленных останков вещателя.

– А ты-то, пахан, жив, что ли будешь?!... – не зная, куда смотреть, заметался головой из стороны в сторону Дон Джон, отодвигая своей кистью борт казѐнного сюртука раненого воина, и тут же, отпрянув прочь, в восторге и волнении воскликнул: «Чудо!»

В ладонях шнифтового поблескивала серебром, испачканная в крови, огромная монета.

– Проглота китель, отбивая пулю! Смотри, аж узор на сердце отпечатался! – вслед за шнифтовым, ахнул свершившемуся чуду, спрыгнувший с крыши вертолѐта Ярослав.

– Пушкина убили... – понуро прогундосил позади их Эрудит, листая в ладонях какую-то маленькую брошюрку, секундой прежде вытащенную из обгорелого месива останков поэта.

– Пушкина? – как будто слыша это имя впервые, недоуменно переспросил, всё ещё очарованный случившимся с майором чудом Дон Джон.

– Да: Пушкин Александр Сергеевич, 1978 года рождения, уроженец города Царско-сельск... – растерянно зачитал с взятой у трупа брошюры Эрудит Че.

– Значит, он – не настоящий поэт? – решил удивиться Макс, чтобы не выглядеть непричастным к происходящему.

– Вообще-то, он именно так и представился мне при встрече, когда я искал подходящего ведущего для своего коммерческого радиоэфира... – разводя руки в стороны, с искренним соболезнованием в голосе, но и с некоторой неуверенностью в интонации, возразил Макс Эрудит.

– Что ты лукавишь, коммерсант проклятый?! – отобрав у товарища паспорт убитого, рывкнул Дон Джон, но тут же и хмыкнул в недоумении, передавая липкую от крови, алую брошюрку Яриле.

– Но ведь стихи-то были, вроде – ничего, каждому персонально сочиняемые... – не желая расставаться с принятой через внутреннюю борьбу верой в какое-нибудь блаженное чудо, печально пробормотал своё слово поминания Ярила, глядя на растерзанный труп недавнего вдохновителя толпы глазами обманутого взрослыми ребенка.

– Реальность, господа! Конечно, вперемешку с невероятным стечением обстоятельств, с чьими-то выдающимися дарованиями... но увы – реальность побеждает! И фактом тому, хотя бы моя боль, от которой, не будь я джигитом, можно было бы уже и скончаться... – корѐжась лицом и телом, прохрипел с земли майор, участвуя в обсуждении деяний усопшего, почти с ним на равных.

– Реальность и миф, поэзия и проза... не всё так однозначно, друзья мои! – смахивая текущую по щеке слезу, вмешалась в поминальную дискуссию, подошедшая к растерзанному телу Дама.

– Он выполнял роль архаичного символа... уж слишком был похож на прежде опочивший символ эпохи... таким шансом трудно было не воспользоваться! – цинично поджав губы, с торжественной грустью, попытался оправдать смысл ситуации Эрудит.

– Ты почти что прав, мой милый гений! Но не учёл, всего лишь одного факта... Посмотри – этот человек мёртв... – торжественно вытянувшись перед низкорослым Эрудитом, остановила интеллектуальные спекуляции Че Дама.

– Поэтом он был хорошим, в любом случае! – с примирительным почтением к усопшему и к опекающей его туманную персону Даме, отозвался от вертолета Ярила, вновь, как ни в чём не бывало, взявшись за возню с пулемётом.

– Осторожней! Они же там ещё живые сидят!... Только этот, как его?... Палач, что ли? ... Он погиб, кажется... – держась одной рукой за травмированное сердце, а второй, махая в воздухе, как будто пытаясь дотянуться до боевого товарища, предостерег Ярилу раненый в грудь майор.

– Да, Палач убит... щитом железным его окончательно задавило... а остальные – трое их там, кажется, они вон – в углу скучились... стрелять они вряд ли намерены... – с суровым равнодушием боевого прагматика, отозвался от выламываемого им пулемётного гнезда Ярила.

– Остальных-то – добить может разумней?... Или как заложники пригодятся? – еле ворочая пожелтевшими от боли глазами и распухшим от накипевшей во рту крови языком, обратился с советом в форме небрежного вопроса к Даме майор.

– Как заложники пойдут... – со спокойным равнодушием к предмету вопроса, ответила ему Дама, но, чуть задумавшись над чем-то и прикусив губу, проникновенно добавила: «Вам бы лекарство принять следовало... А то – вижу – хоть и не пробило, но ударило Вас пулей неслабо...»

– Семь бед – один ответ! Лекарство на все случаи жизни известно... Но, прежде, может быть расскажете поподробнее историю с этим вашим Пушкиным?... А то – приму лекарство, и неизвестно – как и куда оно вылечит... А поэт, у нас здесь, вроде камня преткновения оказался – и стихи сочинял, и радиопрограмму вёл, а в итоге – самым виноватым вышел... – блуждая взглядом от шнифтового к Даме, попросил к пилюле и сказку усатый майор.

– Разумеется, расскажу! – кивая шнифтовому, чтобы тот немедленно уколол мучаемого болью майора лекарством, согласилась Велга.

– Ведь он тоже – как и тот – настоящий Пушкин из древности, тоже ведь – в Рай попадёт? – доставая из рукава сохранённый подарок Ярилы – инсулиновый шприц, вторя майору с не меньшим, чем он интересом, задал Даме вопрос Дон Джон.

– В Рай?... Хм... С этого, пожалуй, и следует начать распутывать это дело... А то, слышу я, будто вы, и вовсе, к погибшему здесь сотоварищу равнодушны, выясняя лишь его общественный статус и подлинность имени... – начала ведать о павшем Велга, продолжив говорить с нарастающей в голосе серьёзностью: «Имя его, действительно, привлекло моё внимание... ведь кроме этого чудесного имени, да ещё и внешности, при небольшой корректировке, ставшей последним штрихом соответствия, у человека сего не было в реальной вашей материальности больше ничего... Да, да... хоть и был он немного поэтом, но всё ж, остальные грани полноценного духовного и физического существования, по воле некоего злого рока, не давались ему к должному осуществлению. Хоть и жил в Царскосельске, близ Сквы некий темно-волосый, кудрявый, смуглый и низкорослый, хотя и весьма симпатичный, чуть ли не красивый на лицо человек 1978 года рождения, с настоящим, данным ему Азирийским государством, родителями и обществом именем – Александр Сергеевич Пушкин; всё ж, любой, знавший его достаточно близко знакомый мог бы искренне сказать о том, что гражданин этот почти и не живёт в обществе, что его, как бы и нету, а если и есть что-то, то – имя, мысли, тело и скромная мужская красота его, были лишь не востребованными системой природными данными, которые скорее больше тяготили нашего павшего, нежели давали хоть какую-то надежду на успех в современном мире...»

– Как?! Чем может тяготить человека его собственное имя, а тем более – здоровое тело? – искренне удивился рассуждению Дамы Макс, да так, что, нарушив общую, внемлющую её расказу заинтересованность товарищей, взял да перебил Нагваля на слове.

– Как? Чем? – театрально звеня голосом, передразнила интонацию вопросов Макса Велга, и продолжила: «В тот век, что вы живёте, дорогие мои, подобного рода недоразумения не новы! Ни один, подобный этому несчастному, человек обременён ныне тем, что в прошлом почитали за благодать... Отягощённость бременем своего существования – удел не одних лишь каторжан, да проигравших битву заключённых в рабство воинов... Нет... Сегодня, в вашей цивилизованной реальности, такие муки – есть удел многих, живущих вполне обыкновенной гражданской жизнью людей... Парадоксально, но узники нынешнего времени, томясь по тюрьмам, испытывают больше чувств и реальных переживаний, нежели многие социально адекватные законопослушники... жаль лишь, понимают этот парадокс заключённые под стражу лишь тогда, когда, выйдя вновь на свободу, сталкиваются с монолитом, застывшей во всех движениях свободы гражданской повседневности. Но, впрочем, сейчас я должна говорить хотя бы об одном, дабы не тратить драгоценного нашего времени, находящегося под надвигающейся от Кремля угрозой. Речь сейчас о нашем погибшем сотоварище... имя его, полученное им по наследству от небрежной отцовской легкомысленности, не неся в сути своей никаких привилегий, доставляло ему, по мере взросления, одни лишь неприятности, так как, звуча весьма привлекательно, требовало от Александра нашего бороться с чужими претензиями, выставляемыми ему в любой общественной организации. Проблема была не в том, что он автоматически становился объектом внимания, а в том, что его – имеющего полное право на некую собственную индивидуальность, постоянно сравнивали с тезкой... и, разумеется, не в пользу нашего с вами современника! А он, тем временем, лишь пытался строить свою жизнь, отчаянно отталкивая от себя чужие взоры и претензии, и ища в самом себе точку опоры для развития собственной своей индивидуальности. Не стану перечислять, чем он занимался на лоне социального поприща, скажу лишь, что, сам, своими силами, пытался улучшить он собственное существование; а поэтому успел уж и побывать, и в местах не столь отдалённых, и сменить ряд профессий, не угождавших его внутренним побуждениям, и промышлять успел в нужде и невостребованности, не имея необходимого склада ума и характера, чтобы, например, стремясь к успеху, толкаться локтями с менеджерами младшего звена. А главное, роковое для него обстоятельство заключалось в том, что суэта вся эта нынешняя была ему искренне чужда... ведь, несмотря на чужие сравнения, он действительно был поэтом! Но, милые мои, скажите – кому, кроме нас с вами, нужны стихи в наше время?...»

– А ведь совсем недавно он был готов реализоваться на поприще профессии радиовещателя... ведь сумел, самостоятельно, преисполнившись уверенности в своих силах, склеить этот аспект бытия, связавшись со мной через интернет! – азартно улыбаясь улыбкой спорщика, возразил Даме Эрудит.

– Увы, мой славный умник, на это действие его надоумила я сама... – извинительно скривив губы, развела руки в стороны Велга, и продолжила говорить об убитом: «Муки человеческой нереализованности нашего с вами Александра были столь выразительно невыносимы, что привлекли внимание самих богов! Его поэтическая невостребованность и, сопутствующее желание сбросить бремя дарования, наверняка тронули за душу самого одноглазого Одина, покровительствующего всем томимым даром сложения рифм на земле потомков Арийского и даже в чём-то Азирийского наследия в Халле*... Да, что красоты, упоминать о покровителе близком, когда Аполлон, сила ему и слава, ощущает в своей благодатной обители то мучительное томление, что испытывают его сродники в искусстве, хороня данные богами дары в здравом смысле общественного уклада жизни цивилизованных ваших современников!»

– Метафизика! А мне, знаете ли, что-то уже нравится стало такое вот мышление – не размышления, а сплошная метафизика – учёт идеальных сущностей, принятие во внимание

воли неких фантазмагорий... А то ведь, действительно, без веры в чудо, мог бы погибнуть ни за что ни про что, когда сам, противореча здравому смыслу, участвую с вами в этой странной войне на стороне поэтов и идеалистов! – принимая в вену иглу, блаженно согласился с отрицаемой досель гранью происходящего майор.

– Выходит дело, Вы сделали его столь популярным и помогли раскрыть таланты перед публикой? – более вежливо, без былой заносчивости, продолжил диалог с Дамой Эрудит.

– Я подарила томиному в сем теле существу шанс на яркую, достойную его амбиций, хоть и недолгую жизнь героя... я освободила его душу от бремени контроля над разумом и чувствами сего, лежащего перед вами тела, вместо этого одарив его редкой и почётной возможностью быть подвластным мощному духу – духу самой поэзии, духу, искавшему земного воплощения через слово и дело, какого-нибудь, отрешившегося от себя человека! – склоняясь над телом убитого, и пачкая в крови его свои пальцы, поведала тайну Велга.

– То есть, человек этот, ради самореализации, позволил подменить свой дух другим – более сильным?... В истории религии, деяния подобного рода именуют сделкой с Луцифайером!... – распутывая клубок истины, с восторгом сделал вывод Эрудит, и тут же, сменив тон на практическую озабоченность, спросил: «А что конкретно дал ему этот дух? Что изменили в нём боги, воплотившись в его теле, взамен его собственной души?»

– Во-первых, собственная его душа никуда не делась... Она, всего лишь, присовокупилась к энергоёмкому духу поэзии, став его частью, при живом ещё теле... Тем же образом присоединяются к энергоёмкому духу какого-нибудь бога души умерших людей... это похоже на “облако” в сети! – подняв указательный палец на манер учителя, поведала Велга, и добавила: «А если смотреть с вашей – плотской, обусловленной, практической точки зрения, – то дух свободной поэзии, воплощаясь в теле любого человека, позволяет тому буквально думать и говорить стихами, но – лишь в обусловленном эрудицией и вкусом, самого этого, одержимого, так сказать, человека... то есть, другими словами: дух свободной поэзии включает в себя всё, когда-либо сочинённое, плюс весь свободный потенциал поэтической фантазии! Или, говоря иначе, – дух свободной поэзии может входить в контакт с любым желающим что-либо сочинить. И верно – нет сочинителей по собственной воле!»

– Дух свободной поэзии – это и есть Аполлон или тот, бог древних воинов, которых ты назвала ответственными за реализацию таланта смертных людей? – зачарованный вещаемыми Велгой невероятностями, задал свой, на вид наивный вопрос Макс.

– Пожалуй, что так... Но, в краю, где вы сейчас живёте, скорее следует искать поддержки этого духа именно у бога ваших исконных предков – у одноглазого Одина в Халле... Ибо именно он помогает слагать в рифму тайные мысли и откровения думающих и чувствующих на языке своих пращуров... Именно поэтому Александр пал жертвой в кровавой битве! Такова участь проводников духа свободной поэзии на этой земле, и то, в том случае, если они готовы быть преданными до конца... – со спокойной величавостью вещуньи поведала Велга.

– Но зачем всё это? Мучиться при жизни, будучи отвергаемым своими же соплеменниками, чтобы после – погибнуть мучительной смертью от чужой руки и оружия? – поддержал разговор о чуде Че.

– Хотя и Эйсус говорил о том, сколь не почитаем пророк в родном отечестве, всё же – миссия поэта – нести весть о справедливости, красоте и вере, в первую очередь – своим собратьям, понимающим его на уровне чувств своего народа... Ну, а закономерные противоречия с представителями власти возникали и будут возникать в тех краях, где сам вещатель истины – поэт – из народа, а власть – преимущественно чужеземные захватчики или предатели, поддерживающие интересы врага... здесь история Эйсуса сродни трагедии нашего Александра! – взмахнув руками в жесте неизбежной беспомощности, возразила друзьям Велга.

– Нагваль, Вы говорите обо всём этом с такой возмущающей уверенностью, будто действительно знаете судьбы павших и страдающих в этом мире... Это весьма впечатляет и даже

вдохновляет на романтические размышления! Но, я, будучи материалистом, атеистом и скептиком, увы могу благодарить Вас лишь за красоту сего сказа, при всём моём уважении... – начав заплетать языком, заговорил поэтичнее прежнего, принявший в руку лекарство майор.

– Я не виню Вас, майор! Вы – лишь продукт эпохи... Но, поверьте... Хотя, впрочем, очень скоро Вы всё увидите сами, и будете уже понимать суть обсуждаемого мною предмета не только на уровне разума, но и добавив к оценке воспринимаемого прочие чувства и способности Вашего естества... – прикрыв майору веки пальцами, по-матерински воркуя, отправила воина в мир грёз Велга.

– Значит, человек этот, ещё будучи в теле, присовокупил свою энергетическую субстанцию, а именно – “душу” к некоему могучему духовному полю, называемому Вами “духом свободной поэзии”, и получил при этом дар разговаривать и даже думать стихами, общаясь с тысячами людей одновременно, и вызывая к каждому из них персонально?... – сформулировал в одном абзаце суть вещаемых Дамой откровений, на счёт павшего радиоведущего Че.

– Совершенно верно! Но, за небольшим исключением... Дух свой, он, как и его исторический тезка, присовокупил не к полю духа свободной поэзии, а к моей собственной, преобладающей над слабостью душ земных энергетике, попав ныне душой своей вслед за тезкой девятнадцатого века – в мой ад, в мою обитель, в царство Нагваля – к Велге! – придав голосу хлесткость ураганного ветра, сообщила главную тайну Дама в Розовых Очках.

Услыхав такое, сказанное ею столь уверенно, компания неформалов, собравшаяся вокруг убитого накануне вестника, угрюмо приутихла.

– Но как же так вышло, что сей гений и поэт, признанный в народе самым временем, попал к Вам – в ад? Неужели, не достоин он был лучшей доли? – указывая рукой на памятник, возмущился услышанному Эрudit, преодолев, наконец свою спесивость к поддержанию беседы лишь на уровне житейского интеллекта.

– С точки зрения тривиальной морали, поддерживаемой самой церковью, регулирующей принцип попадания в рай или ад, за человеком сим водилось грешков немало... Поэтому тот бог, что чествуется по сему принципу официально, отказался от него... Ну, а я – приютила грешника в собственном аду, чтобы совесть его собственная вдруг не отправила бы душу поэта куда похуже!... – беспечно рассмеявшись, ответила Эрудиту Велга.

– Да, я тоже читал в “википедии” о нём нескромные откровения! Помимо многочисленных походов в среде женского полу, его, на базе исторических сведений, уличают в кое-чём похлеще! – вставил в разбор сего вопроса своё нескромное слово Макс, нагло кивая в сторону памятника, будто увековеченный там человек другой эпохи являлся ему каким-то случайным приятелем по интернет-переписке, и обескураживая окружающих его товарищей, незатейливостью собственной этики, воспитанной в среде новой формации, и требующей, во что бы то ни стало, покичиться своей осведомлённостью о самых интимных сторонах жизни обсуждаемого им человека, особенно – человека именитого, дабы на деле доказать принцип равенства перед законом и моралью – того самого равенства, кое Велга именovala плебейством, и кое, в описываемой здесь Азирии, тоже принято было считать демократическим достижением в свободе слова.

7. Трип майора Мудаева

Внемля говоримым Дамой сокровенным, тихим, но преисполненным силы и чувства словам, усатый майор погрузился в мрачный колодец небытия. Часть выговариваемых Дамой в Розовых Очках реальных слов, как будто бы смешалась со словами из накопившегося на майора умного сновидения; и он уже не знал наверняка – говорила ли в реальности все те откровения о религии Велга, или то было лишь игрой разума при умной грезе. Дух майора поглотила тьма, а вслед за ней он осознал себя снова, как будто во плоти, стоящим среди огромного каменного столба, основанием уходящего во мрачную бездну и окруженного лишь одной, сияющей белым светом пустотой, пустотой, да ветром, жестоко дующим отовсюду и норовящим сбить его с ног, столкнуть с сего жуткого пьедестала.

Вглядевшись внимательней, прямо перед собой он увидел, как на подобном его собственному каменном столбе, пред ним возникла Велга. Уговаривать майора прыгать навстречу появившемуся с горизонта кристаллу ей пришлось совсем недолго, – в памяти военного сильно было ещё воспоминание об упавшем под воздействием силы кристалла боевом вертолётё. Да и само, переживаемое майором в сей миг приключение, было столь реалистично, но вместе с тем и непохоже ни на что видимое прежде, хотя жизненный опыт его был велик, и повидал он много, что, не мудрствуя лукаво, не споря и не обманывая себя тем, будто всё это лишь видение или галлюцинация, он быстро согласился с реальностью происходящего, и, повинаясь приказу Нагваля, сделал решительный шаг в бездну, прыгнув навстречу, сверкающему перед ним, громадному как дом кристаллу-проводнику, тут же унёсшему его осязаемую как тело душу в лабиринт призмённых граней своей идеальной конструкции, и воплотил после в новое бытие, в бытие незнакомого ему человека, человека весьма молодого, по сравнению с возрастом самого майора, и красивого, противоположной его собственной внешности красотой – высокого и белокурого, того азирийско-арийского типа внешности, к которому принадлежали многие партийные бонзы Азирии и сам президент Керенский.

Сей юноша, в теле коего и оказался дух майора, сознание имел весьма развитое и практичное, поэтому мыслил он преимущественно цинично и даже ленно, будучи начисто лишённый способности о чём-либо мечтать или грезить творческими грёзами, что, даже для прямого и категоричного склада ума майора, тут же воспринялось, как какой-то недостаток, вызывающий в опыте здравого смысла нашего воина угрозу – как окружающему миру, так и самому себе, особенно от неспособности сего юноши осознавать ответственность за совершаемые своекорыстные поступки, эмоционально окрашенные в цвет серой чёрствости и прохладно-голубого равнодушия ко всему вокруг, не касающегося собственных его интересов.

Согласно чуждому нашему герою-военному мыслительному процессу, и одет был молодой человек этот соответствующе внутренней своей сущности – в аккуратно выглаженные и словно вылизанные языком от любой пыли и грязи, строгий и скромный серый деловой костюм, голубую сорочку и чёрные брюки, с выглядывающими из под отутюженных стрелок домашними туфлями, самого классического из всех возможных стилей, а в целом – элегантно.

Глянув в зеркало, рядом с которым находилось в сей миг тело этого юноши, майор наш саркастично обозвал самого себя, взирающего светло-голубыми, надменно безжалостными глазами, из под аккуратно уложенной на широком лбу янтарно-пшеничной чёлки, призраком белокурого денди, удивляясь сочетанию в сем облике черт элегантности и подчёркнутой невзрачности – той внешности, о которой можно сделать только уравновешенно спокойное замечание, автоматически вписывая её обладателя в ряд нормальных и правильно живущих людей, не отметив никаким эмоциональным штрихом, способным составить суждение о его характере.

Итак, поправляя детали своей элегантной, но скромной внешности, юноша смотрел через зеркало на свой силуэт, тогда как майор, принужденный взирать на то же, куда направлен был взгляд приившего его дух тела, лихорадочно созерцал любые доступные периметру взора детали, элементы окружающей юношу обстановки, к которой сам он давно привык, но которая была в новинку, поселившемся в нём, параллельно с собственным, духу путешественника в нагвале.

Первое, что отметил для себя майор, осмотрев обратный фон отражённой в зеркале комнаты, это оглушающую пустоту жилого помещения, будто созданного специально, чтобы содержать в своей чистой от эмоций обители соответствующее наполнение – безликое и классически строгое человеческое тело.

Комната, в коей находилось тело юноши была не пуста совершенно, а лишь наполнена самыми необходимыми предметами обихода – аккуратно расставленными по углам и вдоль стен элементами мебели, смотрящейся новой, будто только что купленной, современной электронно-бытовой техникой, содержащейся в том же строгом боевом порядке, что и на витрине магазина – с приклеенными к дисплеям и панелям управления этикетками фирм производителей. Вместе с тем в плане украшений или любых тёплых сердцу пустяковых сентиментальностей, комната эта смотрелась безукоризненно свободной от отражаемого вовне внутреннего бытия её обитателя – будто склеп покойника или офис тоталитарной корпорации менеджеров.

Тут, неожиданно для исследующего новое пространство майора, во внутреннем кармане пиджака юноши деловито затрезвонил сотовый телефон, проняв высокое и худое тело его идиллической заунывной мелодией, распространяющей в окружающее звуковое пространство настроение глупой озабоченности, мелодии, вполне гожей, как на эстрадный шлагер для домохозяек, так и на мотив нравоучительной бардовской песни о смысле жизни в её бессмысленности – мотив, предназначенный настраивать человека на лад той морали, что поддерживают пуритане и мещане и вообще – все, уверенные в правильности своих взглядов на что угодно люди.

– Александр?... – с вкрадчивой вежливостью обратился к белокурому юноше мягкий мужской баритон позвонившего.

– Да, я вас слушаю... – с покорной деловитостью и вежливостью подчинённого, услышавшего голос шефа, откликнулся юноша.

– Вы готовы сегодня сотрудничать с нами? – так же вкрадчиво, но уже с какой-то задоринкой, продолжил разговор оппонент, что, по своему выражению очень напомнило майору Мудаеву об отношениях вожатых и подчинённых в скаутском лагере.

– Я всегда готов к сотрудничеству, уважаемый Виктор Викторович! – подобострастно и бодро, но, одновременно приглушённо, явно контролируя громкость звучания своего голоса, ответил юноша.

– Замечательно, Александр, замечательно! Я рад, что могу быть уверенным в Вас и рассчитывать на Вашу поддержку! Наша организация, со всей искренностью, по достоинству оценит Ваши заслуги! Надеюсь, Вы уже получили полагающееся Вам прежнее вознаграждение без каких-либо препятствий и трудностей? – обрадовано вылил на юношу поток лести, говоривший из трубки, вызвав в невольной присутствующей при их разговоре душе майора искреннее отвращение к столь навязчивой и неприкрытой любезности, добивающегося своей цели грубыми методами льстеца.

– Да, спасибо! Я уже получил перечисленную на мой счёт текущую сумму в зачёт оплаты последнего репортажа... – с сухой благодарностью официального деятеля, сгладил услышанную лесть юноша, и, посмотрев в зеркало с выправившим его фигуру в видную статью достоинством профессионала, приложил к голубому воротничку рубахи полосатый серо-голубой галстук.

– Прекрасно, Александр, прекрасно! В таком случае, я буду на связи, ожидая Вашего нового, очередного отчёта в течение этих суток! – продолжая придерживаться льстивого и бод-

рящего тона рекламного агента, выдвинул условия дальнейшего взаимодействия, названный Виктором Викторовичем оппонент, вызывая своей навязчивой и лживой манерой разговора уже и скуку, в томящемся под строгими одеждами юноша, усатом майоре, резонно решившим считать услышанный разговор, не более чем тривиальной деловой беседой старшего и младшего специалиста в какой-то, промышляющей в мегаполисе области.

– Завтра, приблизительно в полночь, я постараюсь отправить на Ваш сайт очередное видео. Надеюсь, всё обойдется без эксцессов, и разочаровывать Вас мне не придётся! – неожиданно изменив тон, с бесстрастного официального, на издевательски насмешливый, разумно согласился юноша, заставив уставшего от формализма беседы майора вдруг насторожиться, при услышанном диссонансе сухо обсуждаемого предмета переговоров, окрасившегося вдруг в тон подозрительной скарעדности.

– Я буду ждать с нетерпением и надеждой увидеть что-то весьма впечатляющее! – в тон юноше, неожиданно изменил интонацию голоса и сам оппонент, произнося эту фразу с каким-то издевательским дополнительным смыслом, явно недоговаривая сути обсуждаемого предмета. Причём, выговаривая слова, Виктор Викторович как-то неприятно, словно проголодавшийся без меры гурман, зачавкал, сглатывая, обуявшую его некстати, и компрометирующую прежней официоз некоей животной чувственностью и пристрастием, слюну.

– Да, уверен, что в ближайшие сутки наш грешный чародей не заставит скучать даже самого дьявола! – обнажив за издевательски насмешливым тоном откровенный наглый хохот, сверкая в отражение зеркала рядом ухоженных белоснежных зубов, задорно уверил чавкающего оппонента юноша, призывая майора быть максимально бдительным к не раскрываемой сути беседы, и интригуя его дух с новой силой.

– Да, пожалуй, только дьявол способен наслаждаться подобным зрелищем, видя в этом лишь развлечение... но, наша с вами задача, Александр, – нещадно обличать грешников во их же благо, ибо, говорит Всевышний: приемлю к себе через страдание и муки, дабы каялись... и ещё говорит он: своих наказываю, ибо не чужда доля ихняя небесная... – вызывая в майоре кардинальное недоумение относительно утаиваемой сути беседы, вдруг изрёк из трубки, вновь изменившийся до неузнаваемости голос Виктора Викторовича, говорящего уже тоном назидательного нравоучителя, если и позволившего себе чавкать минутой прежде, то уж верно – по единой лишь причине крайнего голода, а не какой-нибудь сладострастной мысли, как показалось изначально майору.

На этой его фразе, подкреплённой белокурым юношей невнятным, но согласным в своей интонации бурчанием, разговор их был окончен, и телефон снова водрузился в недра скромного делового костюма, непривычно сидящего на, непривычном для майора, высоком и худом, новом собственном теле.

8. Встреча с покойником

Даже не подозревая о том, что смотрит на собственное отражение посторонним взглядом какого-то неведомого ему усатого майора, белокурый юноша, названный по телефону Александром, глядя себе прямо в глаза, а майору – в душу, затянул на шее галстук, модным, но скромным в его исполнении узлом, и, вполне оставшись довольным собственным отражением, сделал шаг в сторону – к столу-секретеру, тесно заставленному по поверхности всевозможной электронной техникой, секретеру запертому на конторские замочки во всех своих отделениях.

Повозившись в одном из внутренних карманов, юноша извлёк на свет небольшой полиэтиленовый пакетик, с завернутым в него крохотным ключиком, вытащив который, со стремительным проворством, опасливо оглядываясь на входную дверь, вставил в одну из скважин богатого замками секретера. Пошарив рукой где-то в глубине одного из отделений, он вытащил и тут же спрятал во внутренний карман пиджака какой-то небольшой, стальной на ощупь предмет, напомнивший майору по форме, лелеемый им в усатом ещё теле портсигар под душистый табак, однажды подаренный старейшинами родного аула и хранимый с тех пор в одежде близ печени. Юноша в отношении того, похожего на портсигар предмета, явно испытывал не меньший трепет и уважение, запрятав его в самый потаённый карман в проёме синего сукна изнанки кителя, но держа в ладони и отчетливо щупая его стальную поверхность, так и не раскрыл майору тайну предназначения сего кусочка металла.

После, тут же заперевав секретер на ключик, и так же бережно спрятав его в пакетик и в карман, юноша вздохнул с некоторым облегчением, и направил шаги к выходу из комнаты, остановившись лишь на миг у того же зеркала, отразившего на сей раз не только идеальную и холодную его красоту, но и предательски разалевшийся по коже лица багрянец – расплату за торопливые и таинственные свои действия с секретером, ключиком и тем, неопознанным майором предметом, что буквально обжигал грудь юноши прохладной тайной своего металла.

Чуть приладив волосы, юноша вышел из комнаты вон, и глаза майора удивились контрастной разнице в обстановке и цветовой гамме покинутого пространства комнаты и открывшегося, пёстрого, словно балаган или цыганская кибитка, коридора квартиры. В сей же миг из одной из дверей, навстречу юноше и майору вышел тот самый поэт – современный Пушкин, убитый на глазах неформалов под памятником своего двойника прежней эпохи.

– Послушай, Сань, – а ведь Иуда, как описывают его исследователи исторических сведений, был чрезвычайно красивым молодым человеком! Не правда ли – забавно? Ведь, скорее подумаешь, что он был уродом, и оттого – аморалом... так принято его себе представлять... – без предупреждения, словно продолжая начатую когда-то прежде беседу, обратился к юноше Пушкин, заставляя майора удивляться происходящему всё боле, и буквально страдать от невозможности как-нибудь выразить одолевающее его недоумение.

– Ерунда всё это! А даже, если и так, что с того? – с безучастным хладнокровием парировал непричастное к своим недавним заботам высказывание Пушкина юноша, глядя на крайне низкорослого и демонически смуглого, в противоположность собственной классической стати и ангельски белокурого образа, поэта сверху вниз, словно возвышенный духом аристократ на замаранного житейской копотью плебея.

– Неужели тебе совсем не интересна эта тема? Ведь я специально собираю материал по этому вопросу для новой своей программы, для радиопостановки, которую записываю в архив... – уловив хмурую реакцию белокурого юноши, полез рекомендовать свои заслуги Пушкин.

– Снова в архив? Эх, Саша! Ну, когда же, наконец, ты возьмешься за дело всерьёз? Когда же, наконец, реально прозвучит хоть одна твоя программа? Когда состоится реальный эфир? –

со вздохом осуждения осадил идейный энтузиазм Пушкина белокурый Александр, позволив себе всё же лёгкую улыбку, выдавленную уголками рта с дарственным снисхождением.

– Сань, ну ты же знаешь, что это долгосрочный проект... Я же объяснял тебе суть этого дела: ведь я записываю часовые радиопостановки, komponую их в блоки программ общего смыслового содержания... Сейчас делаю серию на тему – юмор и религия... Разве не интересно? – обиженно заворковал смуглый Александр, просительным взглядом отыскивая в глазах высокого и светлого тезки сочувствие своим идеям.

От волнения, возникшего при столкновении с такой отчуждающей прохладой и нежеланием принять лелеемые проекты к сердцу, Пушкин нервным движением извлёк из кармана пачку мини-сигар дорогой марки, бережно укрытую в инкрустированном, тёмного дерева резном портсигаре.

– Сань, Сань... Ты как ребёнок, – всё санькаешься! У тебя, что ни проект, то – долгосрочный... ничего реалистичного! Ты, как будто, в другом времени живёшь! Взять хотя бы твою эту резьбу по дереву... Ну что это за занятие для цивилизованного, уважающего себя человека? – снисходительным жестом, цепляя на ухоженный ноготь предложенную Пушкиным сигарку, вновь отчитал низкорослого смугляна белокурый Александр, а закулив, с нескрываемой брезгливостью к компании суетливого и тёмного тезки, сделал шаг в сторону и элегантно запыхтел, картинно смакуя сладко-дымную папироску и рисуя выдохом кольца.

– Ну почему – как ребёнок? Ведь мне удастся совсем не за дёшево продавать некоторые свои произведения... и радио проект этот вполне реалистичен! Когда составлю полугодовой блок часовых программ, с расчётом выхода в эфир два раза в неделю, тут же примусь реализовывать эту запись на радио! Я уже договорился! Это как книга, которую договариваешься читать слушателям в определённые часы... многие авторские программы реализуются по той же схеме! Ну, а если чем я и не современен, так это – одной лишь своей неграмотностью в использовании интернета для социальных связей... Благо, ты помог мне настроить программу записи на моем стареньком “Маке”, где я и умею-то лишь музыку слушать, да старые видео про любовь гонять! А вот социальные сети помочь освоить, или как-нибудь поучаствовать в продвижении моих работ на рынок через, например «Однокурсников»*, ты – всё занят, всё – никак... а жаль! Можно было бы и резьбу продавать выгодней, и применение для моих радиопостановок подыскать пошире... – с разгорающимися уголками энтузиазма в тёмных своих глазах, скандировал оправдания, тут же вспыхнувшие в пламя идей и новых проектов Пушкин.

– Нет, нет! Об этом сейчас не может быть и речи! Я занят обучением менеджменту! У меня совсем нет времени на химерные проекты и позиционирование в сети каких-то дурацких поделок из гнилых чурбаков! – гневно сверкнув голубыми очами, грубо пресёк предложение смуглого коротышки высокий Александр.

– Извини, извини, конечно! Я не знал, что ты занимаешься менеджментом... Наоборот, я думал, что мог бы помочь тебе, предложив сотрудничество в приносящем реальные деньги деле, так, чтобы ты особо себя и не затруднял... – покорно снеся ответное высокомерие, многословно извинился Пушкин, не удержавшись всё же от скрытого за пеленой повинных слов предложения к сотрудничеству.

– Сотрудничество, сотрудничество... У тебя всё прошлое в саже: и хулиганские выходки и тюрьма... Моей карьере менеджера, даже сродство такое повредить может! – истерично взвизгнув, словно ущипнутая в круп кобылица, отшагнул ещё на метр от смуглого тезки белокурый Александр.

– Извини, брат, извини! Я не подумал об этом... Моя вина! Каюсь... – испуганно отодвинулся от взгневившегося до самой ярости на ровном месте разговора белокурого Александра низенький Пушкин. Но, тут же, как будто защищаясь тлеющей сигаркой, осторожно добавил: “Я же, как лучше хотел: думал ты по-прежнему с этими сектантами заигрываешь... я же – брат тебе, переживаю поэтому...”

– У нас разные отцы, Саша, – поэтому, давай не будем обременять друг друга навязчивым воспитанием, а согласимся с тем, что общего у нас с тобой немного... И если я посчитал нужным когда-то пообщаться с представителями религиозной организации, то сам решу свои проблемы! – высокомерным жестом махнув на лбу чёлку, дал отпор навязчивой оценке смуглого коротышки высокий Александр.

– Хорошо, что ты умеешь воспитывать себя сам! Я лишь пытаюсь проявить заботу о твоей безопасности, – как старший брат, из уважения к твоему давно опочившему отцу, светлая ему память! – выставив вперёд себя ладони, на манер раскаяния или обороны, оправдался за свою правду низкорослый смуглян Александр.

– Я давно уже взрослый человек! Мне 20 лет, у меня свои интересы, своя голова на плечах, свой ум, своя фамилия, в конце концов! И я сам вполне способен обеспечить себе безопасность! За кого ты меня принимаешь? За глупого подростка? Я, как минимум, окончил школу с золотой медалью, в отличие от тебя... Мой возраст не причина для нравоучений, не надо обо мне волноваться! Вы с мамой окончательно меня достали! Подумать только: называющий себя родным братом смуглый карлик – сын гастробайтера из Краины и выжившая из ума ушедшая в тираж куртизанка из Сквы эпохи лихих девяностых пытаются меня опекать и дают советы! Да посмотри же в зеркало и сравни то, что увидишь со мной... Я уже взрослый! Пора это принять к сведению! – разгорячившись не на шутку, и вновь, как и при выходе из комнаты, вспыхнув багрянцем на лице, яростно взвизгивая, отчитал низкорослого братца красавец Александр, махая своими руками так, что вертлявый и темпераментный Пушкин, уж верно, поблагодарил своего собственного отца за переданную ему, практичную в бое конституцию; тогда как наш майор, участвуя в этом семейном скандале, чувствовал себя неким угрем на сковородке, ощущая обуявший его новое юное белокурое тело жар, и ещё больше пылая стыдом за необходимость присутствовать в столь непочтительной разборке.

В этот момент из пёстрого, украшенного цветами, искусственными бабочками и яркими лентами коридора, навстречу спорщикам вышла, выглядящая весьма молодой при неярком свете, красивая женщина, одетая по-домашнему, но с некоторой элегантно причудливостью – словно барышня-хозяйка какого-нибудь поместья России Тургеневской эпохи.

– Мои милые мальчики вновь взялись за старое: опять они ссорятся! И наверняка по причине каких-нибудь глупых пустяков! – словно играя на сцене роль, кокетливым тоном пропела она, взирая на ошетинившегося в своей ненависти высокого Александра и растерянно тушащего бычок сигарки Пушкина с надменной беспечностью царицы, но, вместе с тем, пряча в испещренных морщинками уголках глаз цепкую прозорливость опытного психолога жизненной практики.

– Мы всего лишь обсуждали проект радиопостановки... – внутренне собравшись, согласился с демократичным предположением о споре из-за пустяков Пушкин, уступая женщине место, чтобы встать рядом с ними.

– Радиопостановка? О! Снова какие-то нереальные фантазии нашего доморощенного поэта! Зачем же тогда из-за эдаких глупостей так шуметь и ругаться, что я услышала ваш разговор даже на кухне? – кокетливо оправляя завитые пряди на взбитом в высокую башню шиньоне, отругала спорщиков женщина, с проникательной внимательностью вглядываясь в голубые глаза, продолжающего нервно подергиваться своим высоким и стройным телом белокурого Александра.

– С ним просто невозможно нормально разговаривать! Он постоянно ищет повод унижить или наругать, прикрываясь за надоевшей мне уже дурной манерой воспитывать и учить жизни! – капризно взвизгивая, обвинил низкорослого брата высокий Александр, и тут же, словно оскорблённый сверх всякой меры гневный праведник, развернулся и, шагнув обратно в свою комнату, хлестко хлопнул за собой дверь, обдав оставшихся в коридоре домочадцев волной сорвавшегося с плотины сквозняка.

– Зачем ты так обидел Александра, Саша? Смотри, как он сорвался! Так ведь можно и искалечить человека, повредить ему психику! Я же просила тебя уже не раз, чтобы ты оставил своего младшего брата Александра в покое и не издевался над ним! Ведь ты же – старший брат! Как тебе не стыдно так мучить беззащитного ещё юношу?! Как ты смеешь, пользуясь его слабостью и детской неразвитостью, давить на его психику?! Ты что – хочешь сделать из моего младшего сына калеку? Или, может быть, желаешь подавить его, чтобы он превратился в твоего раба, как прежде, по-негодяйски, поступал твой отец со всеми вокруг? Да простит меня бог за недоброе упоминание о покойном... Нет, Саша, Александра воспитывать не надо! По крайней мере, воспитывать его не таким моральным уродом, как ты! Он уже воспитан вполне достойно: и выглядит и разговаривает весьма красиво и соображает, как положено... не трогай его! Я сама позабочусь о нравовании своего собственного сына, а если будет надо, привлеку для этих целей людей состоявшихся! – беленясь с каждой произносимой своей фразой всё сильнее, будто подпитываясь праведным гневом из горячего собственных слов, вспыхнула пожаром негодования мать, схватив, глотающего от неожиданности такого резкого поворота воздух, онемевшим от невозможности оправдаться ртом Пушкина за горло.

– Прости меня, маман, прости! Я не хотел его обижать! Я ведь говорил о деле... спокойно, хотел как лучше... – пытался бормотать извинения Пушкин, но мать, словно разъярённое нападение на детёныша животное, яростно рвала ворот его рубахи, придя за какие-то секунды в состояние неконтролируемой истерики, подобно младшему своему сыну.

9. Шокирующие увлечения

Видеть происходящее за закрытой дверью майор мог без особого труда, всего лишь прислонив, вместе с телом белокурого юноши, свои глаза к встроенному в межкомнатной двери оптическому глазку, расположенному на уровне груди высокого Александра. Терзавшая его тело мгновением прежде ярость отступила прочь столь же внезапно, как и началась истерика из-за пустяка – будто некий оборонительный рефлекс, сработавший при затрагивании запретной темы, темы, ответ на которую заведомо не выдерживал критики, а точнее – не был готов вовсе.

Покуда мать со старшим сыном обменивались эмоциональными репликами, пытаясь оправдать возникшую из ниоткуда проблему навязанного им конфликта, младший её сын – белокурый Александр потушил игравший на его коже огонь багряных красок, раскурив лёгкую сигарету из собственной пачки – классом ниже тех, что остались за дверью в узорной шкатулке старшего брата, и волна прохладной печали за разницу в стоимости обволакивающего лёгкие дыма затопила и мысли о недавней склоке и вообще любые иные чувства, не связанные с предметом настоящего оценивания.

Когда шум за дверью малость унялся, Александр вновь прислонил око к глазку и, услышав вполне житейский и разумный разговор матери с низкорослым Пушкиным о возникшей необходимости отправляться по каким-то делам, дождался, покуда они разошлись по комнатам, чтобы переодеться к выходу на улицу.

Только тогда, высокий и элегантный в осанке сохраняемого настроения оскорблённого достоинства Александр распахнул дверь, и с невозмутимым видом отправился на кухню, готовить себе кофе, одновременно наблюдая за приготовлениями матери и старшего брата к выходу из квартиры.

Принужденный колдовской силой Велги находиться в центре чувств и мыслей белокурого юноши майор ощутил взыгравшую вдруг кровь и учатившееся биение молодого сердца высокого и ладного его тела, как будто в предвосхищении какими-то, ждущими скорой реализации тайными намерениями, намерениями, наполненными вожелением и страстью, намерениями, томящимися в ожидании скорейшего ухода стесняющих их домочадцев.

Понимающе хмыкнув в недрах своей, заключённой в юном теле души, майор, без какого-либо осуждения, помня о том, что и сам был прежде молод, настроился на ожидание ухода сожителей по квартире вместе с Александром-младшим, резонно предполагая, что все, испытанные им в сем теле капризы и приступы ярости, реализуются сейчас в элементарном под-ростковом онанизме, отказывать в котором сам майор не смел себе даже в периоды бурных романов, наполненных любовью и возвышенной поэтикой чистых отношений с женщинами. В этот миг, переживая навязанное его душе томление, майор отступился даже от возникшего в нём осуждения того характера и нрава, с которым вместе, в одной плоти, пережил недавно, оскорбивший его нравственность, искусственно раззадоренный белокурым Александром конфликт со своим старшим братом Пушкиным.

“Очистка тоналя достигается лишь ценой длительной борьбы...” – вспомнились майору слова Нагваля, произнесённые в момент мучительной борьбы с ветром, в пространстве бесконечной пустоты, когда Велга пыталась уверить его в бессмысленности попыток искать в себе точку опоры, полагаясь на житейские представления, а вместо того – предоставить себя опустошающему чувству отрешённости, чтобы стать способным выдерживать битву Силы.

От этого юноши он, будучи взрослым и многоопытным, в своей внутренней борьбе за право называться свободным в суждениях и поступках, но – неизменно – нравственным человеком, не ждал, конечно, каких-то аскетических подвигов или суровой дисциплины в соблюдении кодекса шаблонных общественных норм, наивно требующих блюсти плотскую чистоту,

не мараясь в грязи сладострастия к чему-то, кому-то или же самому себе, вне классических отношений с подружкой или невестой.

Поэтому, когда Александр, пользуясь удобным моментом уединённости, в оставленной на его попечение квартире, вдруг заглянул в комнату с красными шторами, заполненную, в некоем гнетущем полумраке, сонмом причудливых деревянных скульптур животных, обнажённых людей и жутких мифических существ с натуралистично вырезанными деталями тел, путешествующий в теле юноши майор ничуть не возмутился сим безобидным вторжением на территорию одного из новых своих родственников, имеющего, верно, какой-нибудь заветный эротический изыск в виде фотографии или видеофильма или ещё какого-нибудь предмета вождения, коль уж сам антураж сей художественно убранной и таинственно мрачной комнаты, вызывал в госте и чувство легкого смущения и желание узнать больше того, что выставлено со столь нарочитой откровенностью.

Но, жеманные предположения майора на сей счёт, неожиданно для него, вовсе не оправдались, так как, зайдя в комнату-музей, белокурый Александр всего лишь, с каким-то равнодушным хладнокровием в мыслях и остывших внезапно чувствах, с деловитой сноровкой выполняющего свою работу профессионала, поддел и отодвинул чуть в сторону небольшой, незаметно вырезанный из общей формы, кусочек напольного плинтуса, приоткрыв тем самым, спрятанный под деревянной заслонкой, скромный тайничок, куда тут же, выполняя движения с решительной быстротой и точностью, водрузил тот самый, хранимый во внутреннем кармане пиджака возле сердца, прохладный на ощупь, полированный и верно стальной, чёрный предмет, по форме напоминающий портсигар под несколько папирос средней длины.

Запрятав это, так и не опознанное майором, своё сокровище в сей примитивный и далеко не надёжный тайничок, деревянная крышка коего – кусок плинтуса, могла бы быть и понадёжней или хотя бы не иметь столь очевидных зияющих прорех, величиной с добрую копеечную монету, белокурый юноша, скупое думая о каком-то выполненном коммерческом обязательстве, спешно покинул тёмную комнату, оставив, обнажённые в деталях своих тел деревянные скульптуры в компании собственных теней.

Отступившее, после совершения всех этих действий, сладострастное наваждение овладело юным Александром вновь в тот момент, когда он вернулся в свою комнату и настроил компьютер на режим работы.

“Будет онанировать, разглядывая порно, а в тайник он прячет флэшку-накопитель – всё элементарно...” – предположил заточённый в теле юноши майор, придерживаясь собственного разума, и меряя чаяния молодого и красивого тела на лад своих предубеждений. Но и здесь предположения его вновь наткнулись на неожиданность, когда, вместо того чтобы открыть порочный видеоблог, Александр всего лишь выбрался на сайт с какой-то странной псевдоклассической музыкой, похожей на церковную литургию, принявшись слушать её заунывные звуки с умиляющим благоговением и отрешённостью.

Пока экран монитора был включён, майор, своим вниманием следуя за взглядом юноши, успел прочитать аббревиатуру используемого им сайта, узнав о том, что печальные и нудные звуки эти предоставила ко вниманию слушателей некая религиозная организация, использующая логотипом одно из сакральных и мало-упоминаемых имён Всевышнего бога, одно из тех имён вседержителя, о коем столь неласково отзывалась недавно сама Велга в своей беседе-проповеди с анархистами.

Ну, а с выключенным монитором, майор и вовсе оказался запертым во внутреннем пространстве персонального бытия сего, непредсказуемого в своих истинных предпочтениях, молодого человека. Ощущения своей новой природы позволили майору переживать те же эмоции и чувства, кои испытывало и юное тело.

И вот, по прошествии каких-нибудь десяти минут, усатый командир проникся, пронизывающим до самых потрохов, неестественно мощным и совершенно необоснованным чувством

неистового восторга, сравнить который мог лишь с обливающей волной роинового кайфа, возникающего после укола в вену.

“Ни хрена себе музончик!” – подумал на это он, и, прислушавшись к мыслям юноши, понял, что они заглохли вовсе, перестав выдавать в мозговой эфир даже те скудные расчётливые чёрствости, которыми оперировал белокурый Александр в рутине текущих событий.

“Транс!” – с восторгом подумал о переживаемой в чужом теле метаморфозе майор, параллельно вспоминая о слышимых им прежде рассказах сослуживцев о неких новомодных компьютерных программах, влияющих на психику и физиологию человека, подобно сильному наркотику. Принюхавшись чужим, но собственным в сей миг носом, он уловил даже характерный, ни с чем несравнимый запах, всё интенсивней издаваемый юношей, который не раз ощущал, общаясь с компьютерными фанатами и представителями современной урбанизированной молодежи. “Так вот почему они так воняют!” – сделал собственное открытие майор, и, желая прочистить нос, в очередной раз пожалел о навязанной переселением в чужую плоть несамостоятельности.

Меж тем, за сим забавным занятием Александр ухлопал добрых пару часов, после чего, видать, насытившись искусственным экстазом сполна, вновь зажёл монитор и переключился на модную игру-«стрелялку», в которой сполна реализовал психические способности, отвечающие за координацию моторно-двигательной системы тела, не шевельнув за очередные три часа ни одним его членом, кроме натренированной до состояния реакции хищного грызуна правой кисти, сжимающей джойстик компьютерной мыши.

Таким образом майор прожил в теле юноши пять условных часов, утомившись невозможностью переключить внимание на какую-нибудь иную – более осмысленную деятельность. И, уже откровенно презрев уважение к персоне Нагваля, проклинал Велгу, заставившую его испытывать весь этот идиотизм пребывания в теле живого человека, расходующего время собственной драгоценной жизни на искусственные удовольствия, лишаящие даже права на какие-нибудь антропоморфные проявления – на размышления, например, или фантазии.

10. Неприличный ракурс Александра Сергеевича

“Уж лучше бы он вовсе – заснул, вместо того чтобы драть этот грёбанный джойстик!” – ругался на юношу майор, сопоставляя свои мучения в навязанном восприятии виртуальной реальности с участием попавших в ад грешников, вынужденных общаться с чертями и бесами, созерцающая камни и лютей огонь.

Спасением ему явился шум, донесшийся из коридора квартиры, принявшей в свою обитель вернувшихся с улицы родственников. Но и это спасение оказалось лишь мимолётной отсрочкой на спешный поход в туалет и молчаливое ожидание приёма пищи, положив которую в тарелку, юный Александр, избегая взглядов матери и брата, поторопился унести в свою комнату, где она и пропала, куда белокурый наш герой доходил до следующего уровня в напичканной замысловатыми хитростями и подвохами «ходилке».

“Проклятье! Воистину – адское наказание! Играть в эту дебильную игру – всё равно, что класть кирпичи или красить забор! Но, ведь, всему есть мера! А я вынужден, вместе с этим призраком белокурого денди, участвовать в рутинном перемещении нарисованного на экране образа с места на место вот уже десятый час! Что может быть глупее? Когда же, наконец, этот идиот остановится?! Когда выключит на хрен свою грёбанную игру?!” – неистовствовал майор, совершенно спекшись своим сознанием в отсутствии нормальных человеческих чувств, мыслей и впечатлений.

Но, стоило минуте дню и обозначиться полуночи, как мучитель усатого воина вдруг остановил игру сам, переключив компьютер на программу, передающую зафиксированное в реальности видеоизображение. И только в этот миг майор, наконец, понял, что за таинственный предмет лелеял белокурый юноша, пряча его под замком в своем секретере, держа близ сердца под пиджаком, а после, усердно запрятал в комнату-музей, потому что на экране появились те самые деревянные изваяния, с мастерски вырезанной обнажённой плотью.

Относительно того, что съёмка ведётся именно испод плинтуса, тем самым, похожим на портсигар предметом, сомнений не возникало, так как ракурс фиксируемого изображения представлял собой запечатлённую откуда-то снизу, а точнее – с самого пола, разделённую на правую и левую стороны, панораму всей комнаты целиком.

“Так вот зачем на этом плинтусе дырки! А я, то было подумал – разгильдяйство...” – шокированный предусмотрительностью и хитрой смекалкой юноши, воскликнул в своей душе майор, с интересом наблюдая за появившимся в кадре, вошедшим в комнату-музей старшим братом Александра, представленным Велгой как Пушкин, но живым ныне, в этом причудливом мире фантастической реальности простых на вид людей.

Закрыв за собой дверь, тезка великого поэта тут же принялся раздеваться, смущая нашего майора невозможностью оторвать от обнажённой его фигуры взгляд, так как брат его – белокурый Александр смотрел на транслируемое через монитор изображение со стоической прямоотой, сходной с зазорным пристрастием. “Так ведь он же – его родной брат! Какого чёрта он пялится на него с эдакой непреклонностью? Неужели – гей? Чего только не насмотришься, копаясь в дерьме чужих интимностей! И угораздило же мне вселиться в эдакого чудака, чтобы, будто бы в наказание, смотреть на объекты его вожеланий, глазами, полученными напрокат!” – негодуя заточённой в чужой плоти душой, ругался про себя майор, параллельно пытаясь придумать какой-нибудь способ повлиять на заключившее его дух в себе тело юноши или выбраться из него вон.

Но, несмотря на все его попытки что-либо изменить, юный Александр упорно продолжал пялиться в экран, шокируя майора, открывающимися в тайне и предполагаемом уединении, подробностями личной и интимной жизни старшего брата.

Майор увидел, как, полностью обнажившись, Пушкин зажёл красный ночник, а тот следом озарил деревянные скульптуры откровенно жутким и порочным мистическим светом, после чего включил в сеть старый и громоздкий компьютер, стоящий в углу вместе с таким же громоздким и старым монитором, и прикрытый сверху какими-то декоративными ковриками. От засветившегося синим монитора распространилось волнообразное гало, и снимаемое на камеру изображение комнаты задрожало в переливах радужных линий, придавая сей картине подобие чародейского балагана.

Напротив монитора, посреди устланного пёстрым ковром пола, в той странной комнате был установлен некий низкий, но громоздкий на вид постамент, так же как и прочие заметные предметы, застланный сверху какими-то узорчатыми тряпками; скинув которые прочь, Пушкин обнажил внушительного вида чугунную наковальню, из рода тех, что служили неременным атрибутом в старых деревенских кузнях, но установленную не на возвышении из чурбаков или кирпичей, как положено, а прямо на пол, вероятно, на толстой резиновой подкладке. К наковальне он придвинул низенький табурет без ножек, сделанный, видать, из цельного куска дерева – вероятно бывшего пня, после чего принялся ходить по комнате, собирая с полок и шкафов инструмент, который аккуратно раскладывал среди гладкой и тёмной поверхности импровизированного верстака.

Когда весь необходимый для работы инвентарь был собран, Пушкин направился в противоположный от компьютера угол комнаты, где, накрытой красной материей, виднелась, скрытая от наглядной демонстрации, форма одного из изваяний, в силуэте обозначавшая человеческую фигуру, воспроизведённую стоящей прямо, во весь рост, по высоте своей возвышающейся над Пушкиным на добрую голову, скульптура.

Обхватив её, словно живого человека с особой бережностью за талию, Александр-старший пронёс статую через комнату, появившись вначале на одном, а после – на втором участке, разделённого поровну видеоизображения, а оказавшись возле наковальни, водрузил изваяние на платформу, и, устроившись с подогнутыми коленями напротив, скинул чёрную материю прочь, обнажив перед видео-оком недоделанную до конца фигуру, очаровательной в своей первозданной красоте женщины, недвусмысленным жестом прикасающейся к собственному лону.

“Красиво, но чересчур эротично...” – подумал про себя майор, с почтением рассматривая деревянное тело через бесстрастные зрачки юноши.

Сам же Пушкин, тем временем, продолжил свои приготовления к работе, натерев искусственную красотку какой-то пастой из банки, после чего поклонился ей в ноги, словно совершая классический молебен древних язычников-идолопоклонников.

“Удивительное дело: если один брат – особенный чудак тем, что прагматик и реалист, то другой – напротив – какой-то блаженный оккультист...” – подумал внутри себя майор, немного завидуя странной неординарности старшего брата Александра, и жалея о том, что не оказался заточённым в плоть подобного фантазёра, верно имеющего намного более богатый внутренний мир: “Хоть и явно сумасшедший, а всё же – живой – с чувствами, с фантазией!” – раздражённо причитал о такой несправедливости майор.

Меж тем, старший брат юного Александра, беззастенчиво наблюдающего, в сей миг, за его частной стороной жизни, к самой работе приступать явно не спешил и продолжал свои ритуальные приготовления, в череде которых, прямо на макушке деревянной женщины, была установлена большая восковая свеча; а по углам комнаты, следом, разожжены были благовонные палочки, от которых, спустя несколько минут, помутнело даже изображение транслируемой панорамы, в мутном облаке коей засветился и экран, настроенного на видеоизображение, старенького компьютера.

Внимательно взглядевшись в мерцающий за дымом монитор компьютера из комнаты-мастерской, майор узнал и сам сюжет транслируемого для Пушкина изображения: то был классический порнофильм студии “Мах’s”, из репертуара видеотеки 90-х годов XX века, с уча-

ствием легендарного Рокко Сиффредди и, бесподобной в своих очаровательных ласках Ванессы Чейз.

“Хорошо, что хоть этот имеет обыкновенные пристрастия!” – с умиляющим сочувствием обрадовался пороку Пушкина майор, жалея о том, что юный его телесный сообитатель не курит, подобной его собственной, вишнёвой трубки, а лишь травится лёгкими сигаретами среднего класса.

“Всё бы отдал за затяжку “Borkum Riff” или “Amfora” из душистой люльки!” – ругался на юношу майор, а увидав, как транслируемый на монитор Пушкин раскопчегарил резную самодельную трубку с головой козы на месте чашечки и длинным белым мундштуком из кости или рога, вовсе взвыл, завидуя бытию старшего брата своего нового тела с яростным отчаянием. Но на этом зависть его к тезке великого поэта потухла, а на смену ей пришло ещё большее недоумение, вскоре дошедшее до состояния откровенного шока, потому что наблюдаемый им из чужого тела человек начал делать вдруг что-то чрезвычайное, выходящее за рамки нравственных норм самого майора.

Выбрав себе среди разложенных на верстаке инструментов миниатюрный резак с кривым хромированным лезвием и алой ручкой из инкрустированного дерева, по форме отдалённо схожей с, налившимся кровью возбуждения, мужским членом, Пушкин припал пред установленной на кузню скульптурой на колени и приступил к резьбе самых тонких деталей гениталий изваяния, за каждым искусным штрихом резца равняя и полируя поверхность, живописно и натуралистично изображённой, вагины статуи, тут же подпитывая внимание из экрана, зафиксированной ещё в 90-х, любовью Рокко. И тут же, вдыхая из трубки дым, окружил своё рукотворное творение собственной, вполне натуральной, в плотском исполнении, любовью, целуя дерево в искусственные губы, соски груди, гладкие ягодички, колени, промежность, а в довершение своих страстных притязаний, засунув в деревянную женщину и сам свой, восставший от такого ритуала, громадный уд.

“Кто же из них двоих больший извращенец – тот, который мастурбирует себя с помощью деревянной куклы, или этот, заставляющий меня, против собственной воли, смотреть на чуждые нормальному человеку забавы?!...” – с мысленным возмущением задал вопрос судьбе майор, жалея о том, что Дама в Розовых Очках куда-то исчезла в момент перехода из одного мира в другой.

Пушкин, меж тем, делал своё дело, и, через добрых пол часа, доведя себя и статую до сладострастного изнеможения, вытащил из зада деревянной женщины свой порочный жезл, облив поруганное им самодельное отверстие красным вином из откупоренной с праздничным задором бутылки.

“Наполнись жизнью, творенье!” – громко и торжественно воскликнул с экрана Пушкин, окончательно убеждая майора в своём изысканном сумасшествии.

Спектакль сей длился всю ночь напролёт, и майор наш отдыхал душой, наблюдая за странной работой Александра-старшего, тогда как сам юный брат Пушкина саркастично похихикивал и смотрел с особой внимательностью именно на сцены разврата, повторявшиеся несколько раз в перерывах от ваяния деревянной женщины.

Когда всё это безобразие закончилось, и майор было понадеялся на заслуженный от нравственных мук отдых, Александр-младший, вместо того чтобы лечь спать или заняться какой-нибудь отвлекающей от сего паскудства деятельностью, деловито переключился на другой сайт, задав в поисковике пароль из набора бессловесных цифр.

“Неужели всех этих эмоций ему мало, и он ищет партнёров для игры?! Такую пытку я выдержу вряд ли!” – с отчаянием возмущился на юное своё нынешнее тело майор, но был приятно умиротворён, когда увидал, как Александр сбросил на “мыло” зашифрованного абонента записанные только что файлы, моментально выбравшись после того из “сети” и заглушив жужжащий моторчик перегревшегося “железа”.

“Наверняка забросил сам себе на ноутбук или на параллельный блок эти срамные видео трипы... Ещё бы: если старший брат его случайно залезет в этот компьютер, разумеется, будет скандал! Хотя, с точки зрения дисциплины и этики – записи эти следовало бы тут же уничтожить, а ещё правильнее – не записывать их вовсе... Хотя, о чём я здесь могу рассуждать, когда нахожусь в теле доморощенного шпиона?!... Что теперь-то лукавить? Он уже сделал весьма неправильную вещь, и за одним поступком, как правило, следует другой... Что остановит этого парня? Именно сейчас ему следовало бы остановиться! Именно сейчас, покуда развлечения его – всего лишь странные забавы из ряда юношеских потех... – хмуро думал себе майор, ворочаясь в молодом теле Александра-младшего с боку на бок. Сам юноша, блаженно засыпая, думал лишь о каких-то пустяках, как будто бы намеренно отгораживаясь от нравственных мыслительных шумов майора, как часто делают подростки, отвергающие любое воспитание их нравов.

11. Зловещее застолье

Ранним утром на мобильный телефон Александра-младшего поступило многословное и помпезное в своей выразительности sms-сообщение, содержание коего заставило нашего майора буквально возмутиться: “Ув. Александр! Наша организация благодарит Вас за проделанный Вами добросовестный и необходимый объем работы! Учитывая Ваши текущие расходы и необходимость жертвовать личным временем, наша организация перечисляет на Ваш персональный банковский счёт сумму, рассчитанных нами Ваших издержек – итого: 30 тыс. бурлей*.”

В смятении чувств, и даже чувствуя лёгкую зависть к беспечному образу жизни юноши, умудряющемуся как-то играючи участвовать в общественном процессе фискальных взаимных услуг, майор подумал: “Что за времена?! Что за нравы?! Эта странная современная молодежь делает бизнес нажатием нескольких клавиш! Ведь этот парень, хлипкие кисти коего я сейчас чувствую как свои, настоящий компьютерный вассал! Пальцами этими, я уверен, он не держал ни отвёртки, ни молотка, ни нагана... даже для делового рукопожатия кисть его недостаточно гожа! Зато, облачившись в накрахмаленный костюмчик, он, не поднимая зада с кресла перед компом, запросто стрижёт по штучке баксов за раз! Да что там деньги!... Неужели, работая таким образом, небрежно шевеля пальцами по клавиатуре, можно заслужить такую похвалу? И чего ради, сам я двадцать лет кряду пачкался в крови и порохе, рискуя жизнью и здоровьем?! Знал бы, что можно жить так просто, давно бы бросил всё на хрен и засел бы за интернет, как он! В этом моём приключении, определённо, есть образовательное, рациональное зерно... как не чужд мне этот парень, а узнать тайну его лёгких беззаботных заработков я бы не отказался! Ведь сколько раз слышал истории о каких-то мифических юных гениях, способных грести бабло, не выходя из сети, сидя на диване в домашних тапочках. Верно – этот парень, несмотря на странные наклонности к соглядатайству, тот самый гений! О... Это рука благодарственного провидения для моего познания! Эта рука самой Велги благосклонно знакомит меня с тайнами, ради развития собственных возможностей! Хочется верить в хорошее... Ну, не насмехается же она надо мной, чёрт возьми?! Ведь, все эти переживания вряд ли ради того, чтобы устыдиться в недостатке прозорливости... ведь должен во всем этом быть какой-то смысл, а не только ущербное ощущение своей не современности и глупости!” – так думал на всё это майор, тогда как правящий его закабалённой в своём теле душой Александр отправился на кухню, набросив на себя небрежную для чистюли спортивную майку, да длинные шорты с тапочками.

Плоть юноши давно уж истосковалась по естественной пище, и он, пряча глаза от утреннего летнего света, лезущего с пола уже на стены восточной стороны квартиры, тенью собственных ночных тайн и пороков, незаметно пристроился за столом, в самом углу благоухающей бесчисленными домашними растениями кухни. Торжественно водружённый в центре композиции из роз и фруктов, пышный торт, улыбнулся ему и майору с сочувствием, текущим кремом и воском догорающих свечей, как будто соболезнуя необходимости прятаться от самого себя.

Натянув на лицо пресную улыбку безразличного ко всему дипломата, Александр-младший взялся за протянутый сияющим от радости Пушкиным бокал. Следом за пролившимся на его дно вином, последовала и братская речь.

– Предлагаю выпить за грядущий успех детищ моих кропотливых трудов! – доставая из кожаного портфеля бутылку укрепленного в сургуче дорогого вина, поприветствовал появление младшего брата Пушкин.

– Если б это был успех состоявшийся, то повод выглядел бы более оправданным... – с вежливым осуждением поглядывая на очередную, разливаемую по большим бокалам бутылку, саркастично намекнула сыну о скромности мать.

– Что ж? Раз слова моего мало, то вот и карты, господа! Хотите видеть состоявшийся успех? Смотрите: вот на успех тот и документ! – ничуть не смутившись материнской саркастичности, парировал её нападение Пушкин, и, следом за бутылкой, извлёк из того же портфеля ворох ламинированных, затисканных печатями и штампами бумаг.

– Неужели, контракт с “Кокус-Тити”?? – приподняв бровь и ничуть не изменившись в лице, небрежно уточнил суть демонстрируемого документа Александр-младший, вновь озадачивая и раздражая томящегося в его теле майора собственной чёрствостью и равнодушным хладнокровием.

– Верно! Это – контракт на ближайшее полугодие! Мои передачи включены в ночной эфир! Отныне, каждый вторник и пятницу, с полуночи до двух, кропотливо записанные мной прежде монологи, сопровождаемые собственноручно подобранным музыкальным аккомпанементом, будут развеивать печаль и тоску страдающих бессонницей столичных граждан и гражданок! Виват контракт! Виват выдержке, труду и победе над несговорчивой судьбой! Вместе с этим, вчера я закончил ваять одну из лучших своих скульптур... я дерзнул извлечь из древесных узоров отражение лика языческой богини! Я попытался сделать то, что почиталось в древности за особую честь – я посягнул на предмет культа! – раскладывая гербовые листы пасьянсом прямо посреди стола, бросая их на фрукты и сам торт, возбуждённо выплёскивал накопившуюся в нём радость победы Пушкин, и, не заметив бокала младшего брата под собственным локтем, нечаянно разлил вино поверх бумаги.

– Ой, Саша! Ну разве можно хоть что-то не испохабить? Ведь это – документы! Опять ты всё испортил! Надеюсь, хоть на скульптуру свою ты ничего не прольешь... – возмутилась на эту небрежность мать, а задав следом и тот странный, двусмысленный для майора, Александра-младшего и самого Пушкина намёк, своим паролевым словом обездвижила вокруг стола жизнь и заглушила все звуки.

Через по-летнему раскрытое окно к сидящим за этим столом докатился, взбеленивший их внезапную тишину, назойливый гул утреннего колокольного перезвона от виднеющейся за вершинами парковых лип церквушки.

– Будем считать, что и сами бумаги, и стол, захотели отведать угощение из моего праздничного кубка! – усилием воли стряхнув с себя прохладу налетевшей из окна тревоги, небрежно махнул на замаранные бумаги Пушкин.

– Это был кубок Александра, Саша... – мерцая уничтожающим задорные порывы светом из своих серых надменных глаз, уточнила для старшего сына мать.

– Разлившийся вдруг кубок Александра, залитые вином бумаги торжества, да колокольный звон заутренней молитвы... Не правда ли, в том действе существует тайна, таится мистика, с её злодейским фейерверком, мраком? Душа моя предчувствует бурю, и чем она предстанет – неизвестно... иль радостью предчувствия во плоти – свершением молитвенных желаний, иль шквалом грозovým – игрой стихии, положенной свергать свои творенья? Любому проявлению повинуюсь волнения живой, духовной плоти! Пускай меня коснётся, что судьбою предписано скорей, и буду счастлив! – закатив глаза под белки, отозвался вдруг накопившимся и, наконец, вырвавшимся в отголосках мудрёных рифм, томлением души своей Пушкин.

– Уж лучше бы какая-нибудь твоя прабабка поменяла бы фамилию для себя и мальчика... Порой ты начинаешь себя вести как взбеленившийся психопат или наркоман! И если б я не знала, что ты пытаешься писать стихи и занимаешься ещё каким-то непонятным творчеством, давно свихнулась бы с тобой! Решил, раз называешься Пушкиным, то и вести себя позволено как угодно, выражаться так, что собеседнику ничего не понятно, шутить над религией, называть себя язычником, говорить о магии? Саша, ты, мягко говоря, не совсем прав! – отчитала за мудреный слог его мать; но возразить ей Пушкин не успел, отвлекшись на зазвонивший некстати для беседы телефон.

Взяв телефон в одну руку, а недопитый бокал в другую, он вышел в коридор, приветствуя собеседника в трубке бодрым, радостным голосом.

– Судя по числам на часах, восторг его на этом завершится... – мрачно глядя на электронный циферблат над стоящим в углу телевизором, комментировал произошедшее младший Александр и, презрительно хмыкнув, осушил свой бокал.

– Что ты такое говоришь, Александр? При чём здесь числа на часах? – обеспокоенно забежав глазами, обратилась к младшему сыну мать, сменив интонацию высокомерной иронии, удерживаемую в разговоре со старшим сыном, на благочестивое подобострастие, гожее на обращение к благородной персоне.

– Сорок две минуты... – ставя пустой бокал посреди стола, выразительно распахнув глаза, ответил юноша, и, выбрав от торта самый красивый кусок, положил на маленькую тарелку, чтоб, захватив лакомство на ладонь, покинуть кухню.

– Александр, подожди! Объясни хоть, что ты подразумеваешь... – чувствуя какую-то зловещую недоговорённость, поднялась следом за младшим сыном мать, и раздражённо хлопнула окно, предательски впустившее с улицы налетевший вдруг холодный ветер.

– Число смерти – 42... Разве ты не помнишь, что говорил об этом Сашка? – задержавшись на миг, снизошёл до скупого ответа Александр-младший, кивая в сторону холла, где скрылся Пушкин.

– Ах! Опять эта глупая Пушкинская магия! Что Сашка, что отец его, упокойник, понавыдумывали чепухи какой-то! Какие-то числа у них удачи, какие-то – неудачи... Даже смерти, и той, значение выдумали! – ворчливо разругалась мать, услышав такой ответ, и, подобрав возле себя салфетки, чтобы вытереть пролитое на бумаги вино, крикнула в пустой уже коридор, вдогонку младшему сыну: “А ты-то, Александр, ты-то, – что слушаешь бредни старшего братца? У тебя-то ум должен быть!”

Но раздражение её тут же и прошло, превратившись сначала в отчаянную печаль узнавшего дурную весть человека, а потом и вовсе – перекатилось в ярость проклинателя, потому что, вернувшись назад с крайне обескураженным видом, старший её сын вымолвил с порога: “Отменили... отменили мой контракт... Не знаю и почему даже... Сказали, чтобы я к ним больше не ходил и не связывался с ними по телефону и через интернет, потому что я сделал, мол, что-то выходящее за их рамки понимания... И теперь я для них – враг! Почему – они мне не говорят... происходит что-то странное!”

Эти слова, произнесённые Пушкиным на пороге кухни, майор наш отчётливо слышал через уши притаившегося в коридоре, возле зеркала, юного Александра, улыбающегося своему отражению на вспотевшем от жаркого выдоха пятне, с нарисованным посреди него числом – числом 42.

“Улыбается видать тому, что угадал магическое значение цифры... А так – чему здесь улыбаться?” – жалея, что не может почесать от недоумения хотя бы нос, не говоря уж о курении спасительной трубки с приличным табаком, думал себе майор, глядя через голубые глаза юноши и на число это, в запотевшем от выдоха пятне, и на странную улыбку заточившего его в себе тела, вспоминая о том, что так улыбались победившие его в детстве в какую-то игру мальчишки.

Но вечер тот лишь только начинался, и Александр-младший, верный собственным предпочтениям, беспечно отправился в свою комнату, где привычным движением рук и пальцев скоро настроил компьютер на игру, вновь потопив майора во внутреннем безмолвии двигательных рефлекторных команд, посылаемых от мозга к оцифрованному изображению бегающего и стреляющего виртуального человечка.

Неизбежно ощущая настроение и чувства того юношеского тела, где был ныне заключен, майор проникся неким торжеством, неким празднеством, которое обыкновенно испытывают по воскресным дням получившие свою зарплату работники. И если вчера игра юноши велась

почти рутинно, то сегодня явно доставляла ему особую радость; и Александр, сотрясая белокурую чёлку на модной своей причёске, ликовал, бросая джойстик из угла в угол, щёлкая клавишей мыши с беспечным неистовством, будто даже не боясь разбить её об стол вдребезги.

12. Психоделическая вакханалия

Ближе к ночи, убедившись в том, что мать со старшим братом уже спят, Александр при помощи верного своего компьютера ловко осуществил финансовую манипуляцию, а именно: убедившись в том, что денег в виртуальном кошельке в достатке, перевёл около полутора тысяч бурлей на счёт какого-то парня, чья фотография на сайте контактов заставила майора и вздрогнуть и рассмеяться, поражая тем причудливым образом, который научилась принимать в эту эпоху молодежь. Но, несмотря на откровенно клоунскую внешность сего виртуального контактера, несмотря на изобилие дредов, фенечек и растушек, как называл свои уродливые татуировки и пирсинг сей юный представитель поколения «Ке»*, не умеющий, к тому же, связать пару слов в осмысленную фразу, впечатывая скупые обрывки слов в диалоговое окно, Александр-младший обращался к нему с явным уважением, почитая, как минимум, за равного себе.

Перечисленная сумма очевидно явилась достаточным основанием для того, чтобы клоун из “сокурсников”* явился во плоти на пороге квартиры через какие-то двадцать минут после запроса Александра.

– Есть порох, кувалда, допчики и плюшки!* – снимая розовые кеды с вышитыми на мысах фиолетовыми черепами, заявил явившийся из цифровой реальности парень, и Александр приложил к губам указательный палец, кивая на двери комнат матери и брата.

“Фу-ты – барыга!” – тут же идентифицировал вошедшего клоуна майор, перебирая в своей памяти встречи с подобными типами при самых неблагоприятных для тех обстоятельствах¹.

Запершись в комнате белокурого Александра, ребята мигом устроили наркотическую вакханалию, обсыпав поверхность уложенного посреди стола настенного зеркала белым порошком и дюжиной разноцветных таблеток, приспособив, вместе с тем, пустую бутылку испод “Coca-Cola” для вдыхания дыма вещества через прожжённое у основания отверстие.

Ловко употребив часть из приготовленного арсенала химикатов, смешанных с растительными компонентами, юноши принялись наперебой обсуждать каких-то общих знакомых, обвиняя кого-то в простодушии, а кого-то – в пристрастии к нетрадиционным способам сексуального удовлетворения. После чего, окатив разум майора, словно помоями из туалетного ведра, несколькими гнусными историями о похождениях компьютеризированных мальчиков и не достигших половой зрелости бесшабашных модных девочек, Александр с барыжным клоуном засели за игру, напоминая майору о том, что плоть есть истинная темница для души человеческой.

О том, что в теле, хранящем, и его, и дух юноши, произошли какие-то неприятные изменения, о том, что изменения эти могут оказаться весьма серьезной проблемой для здоровья, майор понял ещё до рассвета, в момент, когда посетивший квартиру гость-наркодиллер уговорил белокурого денди-Александра испытать дополнительной удовольствие от прослушивания церковной музыки, через, особо лелеемую Александром-младшим компьютерную программу, вызывающую биохимический дисбаланс и, тот самый, модный, молодёжный запах, причину коего майор осознал недавно как откровение.

И без дополнительного воздействия сего электронно-резонансного наркотика, Александра-младшего трясло уж в яростной нервической лихорадке. Побледнев и облившись через все поры своего тела холодным потом до того, что боялся даже глядеть на себя в зеркало, истерически хохоча так, что мать его была вынуждена проснуться и осторожно прислушиваться к диким игрищам любимого чада через закрытую дверь, не справляясь даже и с самой, сжив-

¹ не будем забывать о том, что прежде своего добровольного присоединения к войску анархистов, усатый майор (Мудаев) руководил подразделением Госнаркодоноса

шейся с кистью руки компьютерной мышью, Александр, в унисон с товарищем по пристрастиям и парой висящих в голосовом чате персон, неистово выкрикивал задорную, повторяемую за солистом “The Prodigy”, фразу: “...My mind is glowing, My mind is glowing...”, в оглушающем вакууме психоделического ритма музыки. А следом зазвучали и вовсе неведомые майору, безнадежно отставшему в технократическом своём развитии, переходящие на истеричные взвизгивания от мелькающих изображений на экране, слоганы поколения «Ke»: “...Гейм, уру-ра*! Гейм! Лол дота, ком!...”

И как бы не желал хоть чуточку образоваться в отношении неведомых ему терминов и чуждого языка компьютерных фанатов наш несчастный майор, томящийся в теле инородного существа, лишённого всех общепринятых норм, но именуемого в наш век человеком, спросить или вывести через мысли сего юноши хоть что-то, увы, не мог, да и вряд ли бы и смог, даже при наличии собственного тела, поскольку диалог с находящимся в подобии шаманского транса наркоманом состоялся бы вряд ли, по причине абсолютной невменяемости юного Александра.

В момент, когда приехала скорая, и дежурные врачи прокололи руку Александра-младшего шприцем, вводя в кровь юноши мощное седативное средство, барыга уж соскочил, непрофессионально оставив после себя элементы незатейливой наркоманской кухни.

“Тоже мне – барыга!” – возмутился такому делу майор, вспоминая, как сам наущивал крышуемых на Патрисе* дилеров гасить палево, и откачивать своих клиентов, всегда имея при себе необходимые инструменты и лекарства первой помощи: “Этот – даже водой холодной не облил...” – презрительно ворчал вслед исчезающим за дверью розовым кедам в фиолетовых феньках черепов майор, взирая на перевёрнутый от лежания на полу мир сквозь приоткрытые щёлки глаз Александра.

– Уж и не знаю, – секрет это для вас или нет, но сын ваш – натуральный наркоман... Плюс ещё и воздействие компьютера на психику... У нас такими пациентами забиты все палаты! – пристально глядя сквозь очки на мать Александра, обвинительно сообщил свой диагноз молодой врач в белой повязке на носу.

– Не может этого быть! Не хочу ничего слышать об этом! Как вам не стыдно выдумывать подобные глупости, оговаривая моего сына! – ругалась на врача в ответ мать, держась за голову руками и бегая по комнате из угла в угол.

– Давайте сделаем всё возможное, и, если ему станет лучше, забудем об этом инциденте... – всовывая в розовую ладонь молодого практиканта, направленного на дежурство по срочным вызовам триста долларов, зашептал на ухо врачу старший брат Александра Пушкин.

– Скоро он придёт в себя, но если подобные вещи вновь окажутся у него под рукой, то за исход дела я не отвечаю... – кивая на рассыпанные среди зеркала порошок и таблетки, сочувственным голосом отозвался из-под марли врач, и глаза его вопросительно уставились на Пушкина, ожидая чего-то ещё, помимо полученного гонорара за услуги и молчание.

– А! Разумеется! Если Вам не трудно, будьте добры – избавьтесь от этой гадости! – мгновенно сообразил, к чему клонит сей молодой человек в белой повязке Пушкин, ладонью подталкивая ближе к врачу вопиющий среди стола криминальный компромат.

– Ну, вот и славно! Мальчик ваш почти уже в норме, и скоро окончательно выздоровеет от недуга! Извините за то, что назвал его наркоманом... ведь, и во врачебной практике бывают ошибки, особенно если ставишь диагноз впервые... а вот от компьютера, всё же, я бы порекомендовал вам держать его подальше! – рассовывая ссыпанную со стола наркоту в полиэтиленовые пакетики, да по карманам, благочестивым тоном извинился перед матерью Александра врач, и, лукаво подмигнув на прощание Пушкину, был таков, оставляя белокурого юношу, с хохочущим над этой ситуацией майором внутри, приходить в себя, взирая на мир глазами новорождённого.

“Ах вы, наркоманы проклятые, ну всюду буквально вас видишь, – что на должности, что в чужом теле! А ведь это ещё лишь практикант... Что же с ним будет, когда до врача выслужится?” – проводил званных гостей майор своими мыслями.

– Последние триста долларов отдал проходимцу! – оглядывая остатки белой пыли на зеркале, раздражённо признался матери Пушкин, и протянул руку к прожжённой для курения шиша бутылке.

– Не трогай личные вещи Александра! Оставь “Coca-Cola” на месте, а то вдруг он захочет ночью пить... – игнорируя то, что видит перед собой, оттолкнула руку старшего сына мать.

– Пить?... Что ж, вам виднее, что делать... смотрите сами... – со вздохом покорности отступился от претензий на исправление чужих ошибок Пушкин, добавив к сказанному ещё печальней: “Надеюсь, всё обойдётся без срочных дополнительных расходов, а то, как на зло, ещё и скульптуру свою новую никак не продам... звоню продавцу на вернисаж, а он чего-то не отвечает...”

– Не выдумывай глупости! Иди работай, и продавай её скорее, а то могут понадобиться какие-нибудь лекарства, и за интернет Александру, наверняка, заплатить пора... – сверкая негодующими глазами, огрызнулась на старшего сына мать, наводя на столе младшего отпрыска порядок, и пряча прожжённую бутылку с глаз долой – за монитор, чтобы та оставалась доступной взору Александра-младшего.

– Абонент не доступен... Уже в который раз! Ну почему так некстати?! Ведь мы договаривались созвониться сегодняшним вечером! Ведь и цену уже обговорили – тысяча долларов за эту деревянную куклу... осталось лишь созвониться, чтобы условиться о доставке и расчёте! – огорчённо недоумевал Пушкин, безрезультатно набирая номер своего делового партнера на сотовом, и в который раз беспомощно разводил руки перед матерью, ожидающей ответа с не меньшей тревогой.

Когда и мать, и брат, наконец-то, вышли из комнаты Александра-младшего, сам усатый майор, пережив вместе с юношей весь этот зловеющий крах, основанный на одной лишь несдержанности к удовлетворению мозга и чувств, пожалел о том, что никак не способен повлиять на его дальнейшее поведение, потому что белокурый денди вновь заправил продырявленную бутылку кусочком шиша, и, тихонько ругаясь на старшего брата, за то, что тот отдал врачу все прочие, оставшиеся от барыги наркотики, вновь настроился на прослушивание религиозной музыки, заблагоухав от её воздействия кисло-сладким запахом нарушенного био-баланса.

“Хоть и идиот, а всё же – грех был бы не спасти его от этих забав! Ведь не успел ещё прийти в себя, а уже заново схватился за эти извращения!” – переживал майор, вдыхая через нос Александра-младшего дым жжёной каннабисной пыли, выращенной на барбитуратных удобрениях, и слушая откровенно неинтересные ему звуки церковной литургии, оглушающей мозг юноши до состояния транса.

Но сам Александр вряд ли предавался подобным переживаниям, травя себя без всякой удержки, и задорно хвастаясь в уме тому, сколько недоступных многим его сверстникам удовольствий получает в полном эгоистическом одиночестве в сей миг.

Так пролетела ещё одна ночь, заполненная играми и общением в сети на непонятном языке, с непонятными майору персонажами современной эпохи, промышленными драгдилерством, сводничеством, проституцией, обманом и откровенной наркоманией, возведённой в ранг культа эпохи.

13. Моральное возмездие

“Неужели так и мыкаться мне своим духом в этом ограниченном представителе рода человеческого, украшенного золотой медалью за усердие в школьной дисциплине, но столь чёрствого в переживании человеческих чувств? Неужели суждено и впредь играть в эти глупые игры – в ходилки, в стрелялки, – словно пожизненному пионеру из будущего? Хотя, верно, и ребёнок бы устал от эдакой однообразности! Возможно, именно такие черты характера помогают социальным карьеристам изо дня в день усидчиво и невозмутимо, посредственно добиваться своих целей. Чего же ради дьяволица-Нагваль подселила мою душу в этого красавчика? Может, наказания ради, за грехи? Тогда зачем она сама же, прилюдно, поносила церковные догмы? Ничего не понимаю!” – возмущался наш майор, завидев утренний свет через приоткрытые у пробудившегося Александра веки. И ответ на эти вопросы донимал его уже не на шутку, почти сводя с ума, и свёл бы ум за разум, не выйди Александр на утренний кофе в кухню общей с матерью и братом квартиры.

“Ну, хоть какой-то живой элемент во мраке электронно-наркотической статики!” – обрадовался майор, глазами Александра-младшего глядя на задорно разглагольствующего о чём-то, сидящего напротив него Пушкина.

– Магия, магия! Кругом магия! Выполняешь правильные ритуалы – получаешь достойный результат! Отклоняешься от традиции – и результат выходит кривым... где-то я допустил ошибку! Хотя, конечно, можно было бы предположить, будто кто-то вмешивается в мои планы... но, я уверен, что недоброжелателей у меня нет! Сам живу, потому что, и другим жить даю! – ретиво вещал старший брат Александра младшего, облагораживая воздух кухни душистым дымом со своих фирменных сигарок.

“Хоть и урод он – в моральном плане, а всё же – человек интересный, и поглядеть на него с близкого расстояния – мне не мука... Может, лишь, ради одного этого вселился я в плоть родного брата этого Пушкина? Пожалуй, что так... ведь всё складывается один к одному: сначала нас вынудили внимать ему возле памятника, потом, прямо на глазах наших, он был убит. Вероятно Велга хотела сказать о нём что-то большее к тому, что удалось услышать на площади... вероятно, ради этого и заключила она меня в тело его брата...” – размышлял майор, с восторгом рассматривая харизматичного и экстравагантного поэта через равнодушные глаза Александра-младшего.

А старший брат его, меж тем, рассказывал что-то и об Алистере Кроули, и о Карлосе Кастанеде и даже о самом царе Соломоне, приводя в пример разного рода их причуды, подспудно намекая на то, что ритуалы в магии могут иметь весьма экстравагантную форму, и потешая тем майора, нарочитым оправданием своих мастурбационных выходок.

– Катя тебе звонит! Говорит, чтобы мы включили телевизор на канале “мораль”*... – вдруг перебила Пушкина мать, протягивая телефонную трубку и торопливо щёлкая дистанционным пультом.

– Да, любимая!... Это я – твой грешный вассал! – бодро пропел в телефон своё приветствие Пушкин, и тут же отодвинул трубку от уха на добрых десять сантиметров, поскольку зазвучавший в ней голос отчётливо был слышен и на расстоянии, и он зазвенел, отражаясь от стен кухни отборными ругательствами.

– Чмо! Извращенец! Да как ты посмел себя так вести?! Если бы я знала, с кем связалась, то никогда бы не позволила приблизиться к тебе и на метр! Ты испохабил мою жизнь! Что я скажу теперь своей матери, отцу, братьям, сёстрам, однокурсникам?!... Проклятый сатанист, извращенец! Смотри на себя: ты стал популярным – как того и хотел! Тебя показывают даже по телевизору! А уж в интернете – в однокурсниках ты превзошел по популярности самого Ройса Борисеева*! – визгливо неслось из трубки, и майор подумал о том, что если бы телефонные

коммуникации развились до того, чтоб иметь возможность передавать не только звуки, но и прочие, выделяемые человеком во время общения сигналы, то, верно, ухо Пушкина давно уже было бы заплёвано зеленой слюной негодования.

– Но я никогда не позиционировал себя через соцсеть, – ни в Facebook ни в однокурсниках... О чём ты го... – попытался оправдаться Пушкин, но был прерван на полуслове резко оборвавшейся связью.

– Перезвоню ей сам... а то какая-то чушь получается: обвиняет меня в том, к чему заведомо я не причастен! – извинительно пожимая плечами перед матерью и младшим братом, пробормотал обескураженный исторгнутой на него тирадой обвинений Пушкин, нажимая кнопки на умолкшем телефонном аппарате.

– Абонент не доступен... попробую ещё раз... прямо как сговорились все: на радио не принимают, на вернисаже деревянных скульптур не подходят к телефону, а тут ещё и любимая моя взбеленилась! – вращая глазами и пытаясь затушить о край раковины тлеющий бычок от сигарки, тихонько ворчал Пушкин, согласно кивая матери, призывающей его смотреть в экран телевизора, где, громыхая тревожной музыкой, демонстрировался очередной назидательный и одновременно запугивающий сюжет из арсенала религиозно-воспитательных программ традиционной церкви на канале «Мораль»*.

– Смотри, Сашка, – это ж ты! Ой, батюшки! Срамота-то какая! – взвизгнула вдруг мать, одновременно с сыном глядя в экран, где старшее её чадо, пребывая в полном неглиже, при алом полумраке чуть освещённой своей комнаты, молился деревянной женщине. А следом – бегущей строкой и обвиняющим голосом диктора, действия его комментировались в ракурсе рассмотрения сатанинских культов и сект, представляя заснятого на видео героя сюжета откуда-то с уровня пола комнаты Пушкина, как рьяного дьяволу поклонника, и обнажая перед зрителями все неприглядные перипетии его прошлой жизни.

“Ять! Так это ж – то самое видео, что снимал на камеру для своего компьютера тот белокурый денди, в теле которого я сейчас нахожусь!” – воскликнул в душе своей майор, и обрадовался тому, что не имеет собственной плоти, пребывая в которой, наверняка прикусил бы себе язык от шока за увиденное.

– Я пойду, пожалуй, к себе... – пренебрежительно хмыкнув, заглушил возмущения томящегося внутри себя майора Александр-младший, осадив сделавшегося по его вине жертвой старшего брата скользким безразличным взглядом постороннего.

Сказав это, Александр-младший развернулся, и действительно вышел с кухни вон, оставив спорящих и ругающихся меж собой родственников разбираться в случившемся самостоятельно. Но в коридоре вдруг остановился и, поправив перед зеркалом причёску, решил вернуться назад. Вновь оказавшись на пороге кухни, незаметно для старшего брата, кивнул матери, чтобы та приблизилась к нему, затаившемуся в тени антресолей парадного.

Заговорщицки округлив глаза, мать проворно покинула Пушкина, поглощённого просмотром дискредитировавшей его телепередачи, и, придерживая шуршащие при ходьбе юбки, подошла к младшему сыну.

– Маман, будь так любезна: отвлеки Сашку каким-нибудь разговором хотя бы на пару минут... – без каких-либо комментариев, шепотом попросил её о соучастии в своих коварных планах Александр.

– Если это тебе необходимо, то сделаю всё, что скажешь! – придав лицу испуганно озабоченное выражение, тут же согласилась выполнить его просьбу мать, с опаской поглядывая на кухонную дверь, за которой Пушкин громко ругал телевизионного диктора, в негодовании, то и дело, ударяя кулаком по столу.

– Телевизор, что ли, посмотрите... Или позвоните кому-нибудь, – чтобы он вдруг не бросился в свою комнату... – подсказал матери практический совет Александр, небрежно и мягко подталкивая её к кухонной двери.

– Постараюсь, постараюсь, не беспокойся! – с суетливой заботой собралась выполнить распоряжение любимого чада мать. Но, сделав уже шаг к двери, обернувшись к Александру лицом, возмущённо добавила: “Смотри, какой негодяй: уж и от церкви его порицают, и подруга отвернулась, и работы его не принимают, а он всё шумит и противоречит! Подумать только: продолжатель знаменитой фамилии – и так себя ведёт... позор!”

Но Александр-младший лишь отмахнулся от эмоциональных её возмущений, и, мягко подтолкнув мать в спину ещё раз, поспешил проникнуть в комнату Пушкина, краснея лицом и пылая жаром настроившегося на риск тела.

В знакомой уже нашему майору комнате, среди неизменного багряного полумрака, не дожидаясь, пока глаза его привыкнут к сей порочной темени, Александр тут же ринулся в тот угол, с подпиленным плинтусом, где спрятал накануне, ставшую причиной трагедии видеокамеру.

Благодаря мгновение за предоставленный скоротечный шанс, он протянул уж руку, чтобы схватиться за деревянную заслонку своего хитроумного и таинственного хранилища предмета раздора, как вдруг неожиданно наткнулся локтем на, совершенно неразличимое при тусклом свете громадное стекло, приготовленное Пушкиным под картинную раму.

Рука Александра мгновенно онемела, тело бросило в жар, от смешавшейся в одном потоке артериальной и венозной крови, брызнувшей прямо в лицо. От неожиданности, шока и боли, одновременно обрушившихся на ладное его тело, Александр громко вскрикнул, перепугав и раздавшимися одновременно звоном битого стекла не только домочадцев, отделённых в сей миг одной лишь кирпичной стеной, но даже и майора, хоть и противящегося его коварным затеям, но неизбежно вынужденного сопереживать происходящее с заключившей его дух плотью, в полной мере всех сопутствующих ощущений боли, испуга и страха.

Когда старший брат и мать, переполошённые и оторвавшиеся от возникшего на почве телевизионного скандала спора, ворвались в комнату, Александр лежал уже на полу, заливая своей кровью, так и не опустошенный от видеокамеры тайник в плинтусе.

Тело его, с негодующей душой майора внутри, негодующей за невозможность видеть происходящее через захлопнувшиеся веки, тут же перенесли в другую комнату. А сам Пушкин, тем временем, вовлёкся в новый спор с матерью. Но предмет спора, на сей раз, касался того, какой жуткий вид имеет его комната-мастерская, лишённая хоть какого-нибудь приличного освещения.

14. Испачканные в крови кровники

Взглянуть на свет вновь, через открывшиеся после несколько минутного бессознательного забвения Александра глаза, майор смог лишь минуя томление в темноте отключившегося от жизни тела юноши. Он увидел, что находится в той комнате, где ещё не бывал прежде, в комнате, украшенной розовыми кружевами, фарфоровыми статуэтками, изображающими лирические сцены с участием персонажей эпохи ренессанса прошлого тысячелетия, да золотистым шёлком, вместо клееных поверх стен в современном обыкновении обоев.

“Будуар какой-то...” – подумал о возникшей в фокусе его внимания обстановке и убранстве этой комнаты майор, и в тот же миг на пороге появилась сама хозяйка сего изысканного, но нарочито переполненного романтизмом помещения – мать вошедших в разногласие братьев.

– Александр, бедняжка! Как ты бледен, миленький! – утирая слёзы батистовым платочком, заворковала она, обращаясь к удерживающему дух майора телу младшего сына, смотрящего на неё снизу вверх, будучи опрокинутым на диване. Приветственно приподняв голову, Александр-младший предоставил майору возможность созерцать, забинтованное и покрытое бурыми пятнами от запекшейся крови, обнаженное своё тело.

– Смотри, какой ты весь перепачканный! – завывала мать, принявшись утирать припекшуюся кровь тампонами.

Но в этот миг, в брошенной на соседнем кресле одежде юноши вдруг затрезвонил телефон, и Александр, тут же презрев навязываемую ему сентиментальность, возмутился своей наготой, удивляя наблюдающего за всем этим майора, стремительно пронесшейся в юной голове мыслью о том, что телефон его, звоня от постороннего абонента, вполне способен работать в режиме видеосъёмки, и что неприкрытая нагота его может стать предметом нездорового интереса и основанием к шантажу.

“За что боролся, на то и напоролся...” – комментировал ход мыслей ума юноши майор, осознавая, что своими гнусными манипуляциями в отношении старшего брата Александр-младший неисправимо повредил и собственную психику, параноидально ожидая подвоха со стороны окружающих, оцениваемых им на свой извращённый манер.

“Что есть большее извращение – заниматься изысканной в чудачествах мастурбацией, ради отвлечения мыслей от забот однообразной повседневности и сосредоточения на предметах искусства или интеллектуального поиска, или – опасаться быть замеченным посторонними в своей первозданной наготы, даже у себя дома, даже будучи израненным и лежащим на диване?” – задался философским, но довольно-таки приземлённым вопросом майор, впервые задумываясь над порождёнными современной моралью противоречиями, возникающими особенно в среде втянутой в созерцание сцен разврата, культивируемого закрытым обществом миллионеров молодёжи, принужденной жить в реальном мире, опирающемся на искусственно провозглашаемые пуританские ценности, общества как будто бы добропорядочных, но бедных граждан.

Меж тем телефон трезвонил, и мать, накрыв Александра-младшего полотенцем, передала ему в руки, играющую красками многоцветного дисплея трубку смартфона.

– Александр! Наконец-то я дозвонился Вам! Что случилось?! Вы были недоступны в сети более трёх с половиной часов... – послышался из трубки, уже ставший знакомым майору, вежливый голос делового партнера Александра младшего, договаривавшегося о шпионаже за своими домочадцами с ним прежде.

– Виктор Викторович?... Зачем же Вы сделали это, не предупредив меня заранее?! – задыхаясь от охватившего его гнева, возмутился вместо приветствия Александр, рукой пытаясь отогнать прочь, стоящую у изголовья дивана мать.

– Я сделал лишь то, что завещал нам делать основатель церкви Всевысшей апостол Авен! ... Я лишь обличил грешника, обнажив его дьявольские проделки во грехе перед обществом добропорядочных праведников! – гротескно акцентируя отдельные слоги в произносимых словах на манер говорящего по-азирийски с характерным акцентом сербского или русского миссионера патриархальных традиций, возразил на это словоохотливый оппонент.

– Но это чересчур! Мы не договаривались о таких крайностях! Я думал, что Вам нужно видеть его проделки лишь для собственных нужд... Зачем же было популяризировать все эти мерзости прямо по телевизору?!... – не реагируя на отвлекающие разглагольствования о церковных потребностях, продолжил возмущаться Александр-младший, перестав критически следить за произносимыми выражениями, и обнажая громким голосом саму суть их тайной до сей поры сделки.

– Как Вы сказали, молодой человек?... Для собственных нужд, – если я не ослышался?... Ой-ой-ой! Уж не подразумевали ли Вы во мне подобного своему грешному братцу сладострастника?... Что за собственные нужды могут быть у человека, негодующе взирающего на чествование греха? Мои нужды – это нужды праведников! Они есть нужды церкви! Они нужды самого господа Всевысшего – обличать грешников в их пороках! Обличать нещадно, во их же благо, – как завещал нам это апостол Авен!... – с неотступной монотонностью продолжал повторять выставляемые щитом мотивы сделанной накануне подлости оппонент.

Но Александр, трясаясь от ярости и даже самозабвенно обнажившись от накинутаго поверх гениталий полотенца, крепкими выражениями опроверг аргументы подельника, зацепив парой грубых фраз упомянутого Виктором Викторовичем апостола Авена.

– Поосторожнее, молодой человек, поосторожнее... Ведь Вы и сами, как я сейчас вижу, находитесь в презренном самозабвении, будто забывая о том, что познал Адам о наготы своей, как о сраме... А таким грешникам вполне резонно будет отказать и в милости приобщения к таинствам церковным, через прослушивание божественных песнопений... – коварно прихмыкивая, пожурил Александра Виктор Викторович, явно намекая на психотропную звуковую программу, слушаемую юношей наравне с употребляемыми наркотиками.

Услышав эту угрозу, Александр притих и задумался, решая, как сгладить развязанный им конфликт, оставшись при своих удовольствиях.

В этот миг, из-за спины приподнявшегося на локтях Александра прозвучал уверенный и громкий голос матери, вторгшейся в пространство его разговора с подельником с такой нарочитой беспардонностью и силой, будто она не случайно нарушила приватную беседу, а именно – хотела быть услышанной непосредственно в этот момент.

– Немедленно извинись! Как не стыдно тебе так выражаться?! – протестующее взвизгнула мать, настраивая Александра-младшего на предположение о том, что её задела, скорее всего, богохульные речи, нежели сам, обсуждаемый уже популярно, предмет спора. Но, продолжив обвинительные нотации, мать удивила его не меньше, чем был удивлён несколькими часами прежде, попавший в ловушку изысканного коварства, её старший сын Пушкин.

– Как не стыдно тебе хулить священные для твоего благодетеля ценности?!... Как не стыдно тебе, Александр, пререкаться с тем, кто помогает тебе найти своё место в жизни, с тем, кто наставляет в выборе достойных ценностей и обучает профессии, дающей уверенность и перспективу роста в современном мире? Лучше бы ты так ругал неразумного своего брата, получившего по заслугам сполна за животную свою похоть, и предлагающего тебе работать, то резчиком по дереву, то каким-то радиоклоуном, не понимая, что профессии эти устарели и неактуальны в мире, где правит информация... разве хуже тебе сидеть за компьютером и, припеваючи, нажимать на клавиши, пополняя счёт в банке десятикратно больше, нежели может заработать наш доморощенный Пушкин? Со временем найдёшь себе помощников, которые будут подкладывать камеры и жучки к компрометирующим себя людям. Эта профессия позволит нам жить не хуже других, и зарабатывать на уровне американского стандарта! Чем плох

тебе Виктор Викторович? Извинись перед ним немедленно! – высказалась мать, заставив зазвонить пространство психического эфира не только в восприятии Александра, через ушной звон, но и в восприятии, не имеющей собственной плоти души майора, подумавшего себе следующее: “Забавно... оказывается этот назойливый писк, что возникает при шокирующих обстоятельствах – явление вовсе не физического рода, а скорее эфирного – связанного с психикой... хотя, ещё забавней, конечно, то, как рассуждает эта франтоватая, стильная “душечка”, готовая ради материальной наживы втоптать в грязь и предать родного сына, делая из второго – избранного ею чада – какого-то нравственного педераста... теперь-то мне ясно – откуда в этом славном парне Пушкине, вполне достойном, по всем прочим своим нравственным качествам человеку, появился этот странный порок с пристрастием к извращённым уединениям. Так, видать смолоду, привык он компенсировать в себе притворное воспитание своенравной матери. И разумеется, и ей было тяжело воспитывать двух непохожих друг на друга сыновей. С таким нравом и мировоззрением матери этой удобнее было бы нянчить дочек... из неё получилась бы отличная сводница, а дочери сделали бы себе заветную и модную в современной Азии карьеру порномоделей!”

15. Унизительное примирение

Услышанное и увиденное глазами молодого азирийского парня заставило бы нашего, выросшего в чёрных горах, среди овец и воинов майора размышлять и дале, но поток мыслей его прервал голос самого Пушкина, появившегося весьма кстати для того, чтобы услышать самую суть той драмы, в которой очутился сам её коварный породитель.

Переступив порог комнаты, Пушкин обратился к матери и брату и заявил о том, что, несмотря на их прямое участие в этом деле, виновником своих проблем считать будет лишь того, кто их создал в первопричине – того, кто толкнул имеющих слабости и заблуждения марионеток на опрометчивый ход в подлой игре общественных отношений, а более громким голосом добавил, обращаясь к слушающему их беседу через телефон заказчику этого фарса: “А с Вами, неуважаемый мною Виктор Викторович, и с Вашей сектантской организацией я намерен судиться из-за нарушения прав личности!”

Наш майор, услышав это, уже готов был чествовать достойную позицию, попавшего в переплёт неслыханного коварства человека, остающегося при своём достоинстве, и уличённого, по сути, лишь в затейливом распоряжении собственной плотью. Но, в этот миг, в ухо томящего его благородный дух юного тела ворвалась ревущая насмешливой злобой фраза Виктора Викторовича о том, что реабилитировать себя униженный Пушкин не имеет права по закону, поскольку, будучи осужденным прежде за какие-то преступления, не имеет уж формальной возможности избегать подобного надзора, о том, что миссия подглядывающего за ним подлеца является добропорядочной обязанностью, узаконенной самим государством.

“Как хорошо я сделал, когда ушёл вместе с Велгой и её шайкой анархистов прочь из этого проклятого Госнаркодоноса! Потому что, видя это, я понимаю, что всё, буквально всё, связанное с государством и законом – полное дерьмо! О, Акбар! Слава Всевышнему гор, что уберёт меня хотя бы на старости лет от служения подлости! О, Акбар! Спасибо Нагвалю! Спасибо судьбе!” – прослезившись глазами души, восклицал майор, люто беснуясь в опостылевшем ему уж не на шутку теле, подобострастным ухом своим внемлющим отвратительному и ненавистному голосу правоведа Виктора Викторовича.

Тут, в разговоре их возникла естественная пауза, последовавшая за словами Виктора Викторовича, расставившего уж все точки над “и”, и обозначившего жёсткую бескомпромиссность ситуации, как необходимый для всех тайм-аут, устроенный для того, чтобы, собравшись с мыслями, каждый из них увидел бы единственную, пригодную для дальнейшего сосуществования перспективу – перспективу, которую оставляла им навязанная извне азартная игра, продуманная кем-то, видать, задолго до их собственных решений, явившихся, по сути, лишь вынужденными ходами, направляемых внешней силой марионеток.

– Ну, и что ты притих, порочный ваятель? Сочиняешь новые стишки? Или, может быть, выдумываешь очередной образ порнографической скульптуры, желая увековечить лик, явившийся тебе во время сатанинской мессы демоницы? Не мудри, Саша! Не мечтай о мести! Ты сам виноват в своих проблемах... ведь если бы ты вёл себя приличней, и смолodu старался бы соответствовать духу времени и реальным потребностям общества, то не занимался бы чёрти чем, не строил бы романтически глупых проектов! Если бы учился компьютерной грамотности и правилам игры, по которым живёт современное цивилизованное общество, не обманывая себя вычитанными в старинных книжках идеализмами о честном труде и индивидуальном творчестве, то, наверное, и природу бы имел более соответствующую человеку 21-го века, а не неандертальца, спокойно обходясь без извращений и чрезмерных сексуальных потребностей, проживая день за днём спокойно, сидя за компьютером, или ходя в офис – на работу – как это делают все нормальные люди! Ты проиграл... смирись с этим! И, если не можешь исправиться, то иди обратно в свою комнату резать пни и сочинять памфлеты! Думаю, Александр найдет

новых покупателей через интернет, если не обозначит на сайте твоего легендарного имени. Жизнь продолжается! И, если проиграл, то отойди в сторону и притихни, чтобы не мешать тем, кто сильнее и умнее тебя! – оглядев сыновей презрительным взором, решила выступить с завершающей спор речью мать.

От прозвучавших в напряженной тишине её слов, воздух комнаты зазвенел ещё гуще насыщенным молчанием враждебного противостояния загнанных в угол игроков, поставленных перед необходимостью сдаться на милость победителя, либо нападать, не оставляя ситуации шансов для доброго человеческого разрешения.

В этой тиши, где было слышно даже доносящееся из сотовой трубки ожидающее чавканье уверенного в своей победе Виктора Викторовича, наш майор глядел на сжавшегося в комок и раздавленного словами и мыслями Пушкина с сожалением и болью, не угадавшего счастливую команду болельщика, чувствуя даже, как глаза, меряющего тело старшего брата в высоту Александра-младшего – и те – наполнены досадой и отчаяньем от невозможности что-либо изменить.

– Иди, иди – кайся или греши, но не стой здесь, раздражая меня своим позорным видом! Можешь даже помолиться на фотографию своего покойного отца, прося у него поддержки или прощения. Я думаю даже, что он поймет тебя, хотя сам в подобной ситуации оказывался вряд ли. Иди, ты проиграл, Саша! – ещё раз всколыхнула тишину исхода мать, напитав атмосферу комнаты своей властной волей отомстительницы за нанесенные ей когда-то оскорбления от, похожего на своего сына и умершего при своей чести отца Пушкина.

“У женщин Азирии слишком много прав... поэтому ведут они себя столь распушенно, не почитая мужей и занимаясь проституцией без огляду... Конечно, это связано с законом государства, враждебно настроенного против боеспособного мужского населения... У нас в Горах сейчас насаждается тот же порядок... Наверное, опять, виной всему американцы, хотя и религия, пожалуй, внесла через догматы повиновения имущим власть немалую лепту. Поэтому, у нас – в горах – мужчин убивают... здесь же врагам проще...” – подумал майор, взирая на сына и его мать блуждающим взором Александра-младшего, затеявшего в своём азартном уме очередную суетливую чехарду мыслей.

Но здесь, не дав размышлениям майора реализоваться в направлении упадка и смиренности с поражением, а так же, остановив ум и взгляд Александра-младшего от суетных отвлечённых блужданий, старший брат его Пушкин вдруг приподнял свою голову, явив, глядящим на него почти как на покойника родственникам, блистающий решительной затеей взгляд, приготовившегося к отчаянной борьбе человека.

– Хотите, чтобы я вас покинул? Что ж... Желания близких всегда были для меня законом! Отныне, досаждать вам своим отвратительным видом я не буду! Если жаждете моего отсутствия, я пойду навстречу вашему настойчивому желанию – я удалюсь! – воодушевленным неизвестной причиной голосом, обратился к родственникам Пушкин и заулыбался широкой, болезненной улыбкой загнанного в угол зверя.

“Ай да молодец! Решил-таки бороться! Правильный выбор! Что толку возиться с этими лживыми игроками, привыкшими мерить человеческое достоинство и силу лишь одними социальными нормами, будто нет иных путей и способов достижения благополучия? Давай, парень – дерзай! Иди и возьми своё счастье сам, своими руками, не спрашивая разрешения и совета, не играя с ними в эту их подлую игру! Устанавливай свои правила сам: играй в свою игру отныне! А лучше – не играй, а живи! Живи искренне – с борьбой и болью, в лютом одиночестве собственных интересов, как живут хищные звери, которые не ищут сочувствия и сострадания своим чаяниям и нуждам, потому что знают, что никто не хочет, чтобы они жили и были здоровы, звери, у которых одно упование и одна надежда – их сила, их оружие... зверей, которые другом зовут свой воинский дух, а врагом – свою трусость и весь мир в придачу!” – благословил восставшего на сопротивление изгоя майор, будучи уверенным, смотря на его дерзкий и

гордый вид, в том, что Пушкин решил именно бороться и бросить предателям назад грязь их пренебрежения и равнодушной черствости, вспоминая, как сам, будучи в чужих краях, вдали от родных гор, принял правду одинокой борьбы хищника, как спасительную истину для отщепенца, изгоя, чужака и кого угодно в своём общественном статусе, потому что понял закон этого общества, маскирующего под маской отношений необходимость добывать средства для существования, а под личиной соглашательства и дружбы прячущего коварное намерение сделать добытчика слабым и поставить его в ряд приготовленных на убой жертв – то понимание, что дало майору необходимую отрешенность и жесткость для того, чтобы стать тем, кем он стал – начальником заведомо враждебной его внутренним убеждениям организации, в самой столице враждебного ему и всему его народу государства.

Так решил думать о Пушкине майор, а наряду с этим, в белокурой голове отвратительного ему предателя своего старшего брата, он слышал мысли, наполненные переживаний за вероятную угрозу собственной репутации – мысли, скачущие в голове Александра-младшего, словно блохи на политой скипидаром шерсти пса.

“Незавидна его участь, раз переживает из-за возможности выглядеть в дурном свете за предательство того, кому подстроил ещё худшую каверзу... на войне – тот, кто убивает, всегда готов умереть и сам...” – подумал на это майор, с брезгливостью читая расчёты и хитрые замыслы, роящиеся в голове содержащего его дух в своей плоти юноши.

В тот же миг проявила томящие её циничный ум страхи сама мать обоих сыновей, заявив о том, что та, к которой собрался перебраться жить Пушкин, особа ума недалёкого, и верно скоро, какой бы глупой не была, разочаруется в эдаком романтике, потому как компромат на него лишь только начал открывать своё широкое лицо, и одной скандальной телепередачей, конечно, не ограничится.

“Хочет, чтобы и овцы были целы, и волки сыты...” – подумал о матери Пушкина майор, слушая её напитанные ядом негодования речи, как пример идеологии авторитаризма.

Однако, несмотря на разногласия в мыслях о предполагаемых дальнейших шагах Пушкина, все трое думавших о нём, глядящего на брата и мать с несвойственной ему прежде безжалостностью, оказались неправы, приписывая низкорослому и смуглому поэту лишь слабохарактерные мотивировки, меряя его душевный строй на собственный манер; тогда как сам Пушкин, удивляя всех троих, да и висящего на линии Виктора Викторовича, сказал следующее: “Я буду покорным Вашей воле настолько, что предоставлю жаждущую Вами возможность наблюдать за мной не только в квартире, но и везде, куда понесут меня мои ноги... думаю, в этом случае, закон будет и на моей стороне, ведь должен же быть какой-то закон и в моё благо, а не только во благо тех, кто строит людям козни!”

Услышав это, мать притихла, остановив перечисление грозящих ему впоследствии бед на чём-то страшном, но ещё не самом худшем, и, встав перед таким ответом, словно перед каменной стеной, которую следовало бы обойти или перепрыгнуть, но никак уж не пытаться разломать, в задумчивости перевела взор на держащего спасительную телефонную трубку с чавкающим в ней голосом Виктора Викторовича Александра-младшего.

– Маман права... я найду новых покупателей на твои деревянные поделки! Даже, можно сказать, уже нашёл... только заказчик теперь сам будет решать, что именно тебе вырезать или мастерить... – скосив глаза на стену, и не отваживаясь, как прежде, беззастенчиво глядеть старшему брату прямо в глаза, даже в моменты самых подлых своих действий и дум, слабым голосом, еле слышно, предложил компромисс Александр-младший, фактически повторяя слово в слово то, что слышал из трубки от назидательно вещающего о единственных правильных в этой игре ходах Виктора Викторовича.

Но, повторив произносимое им сполна, от себя Александр добавил чуть громче и почти выровняв глаза до уровня взгляда Пушкина: “Даже радиопостановку твою можно наладить... Есть у меня один клиент в однокурсниках, готовый пригласить тебя на эфир, зная об этом всём

даже, но, как будто и не переживая о репутации... он сказал, что именно ты ему и нужен – таким, какой есть – без прикрас... назвался только он странно: именем Че, как южноамериканский революционер один, середины прошлого века...”

Но Пушкин, прервав дальнейшие объяснения младшего брата, неожиданно для всех тут же и согласился, придав лицу подобие бесстрастной маски, и, взглянув на мать и запнувшегося на полуслове брата глазами невинного человека, спокойным, деловитым тоном заявил: “Отлично! Александр, будь добр: назначь ему встречу в городском парке, там, возле церкви... Не хочу встречаться в людном месте, – сам понимаешь...”

Голос Пушкина был столь беспристрастен, столь смирен и сух, что даже сам майор перестал рассчитывать на дальнейшее его противостояние, разочаровавшись в том, что поэт этот действительно оказался поэтом или ремесленником, но вовсе не воином, как предполагал о нём он.

А мать, получив прощальный кивок вежливости, лишь небрежно сомкнула веки, резонно посчитав борьбу старшего сына проигранной на здравом житейском рассуждении и принятии того, что происходит при смирении, тут же принявшись за своё шитьё и рукоделие, и впутывая этот, задавшийся сложным, день в паутину тихой обыденности и полудрёмной рутины.

И лишь один Александр-младший, удивлённый невиданной прежде за братом собранностью и способностью отрешиться от отстаиваемых со страстью вопросов, в недоумении остался наедине с требующей завершения беседы телефонной трубкой и, почти ощущаемой физически, висящей в воздухе угрозой непредсказуемого поведения близких – тех, кого он не ставил даже в расчёт, но показавших неведомую прежде сторону своих личностей.

16. Неожиданное воплощение Эрудита Че

Этот день, оставив после утренних пожарищ страстей, разоблачений и шокирующих откровений лишь горстку пепла – того неприятного осадка, что остаётся обыкновенно на дне души после пережитых волнений, далее выровнялся в весьма спокойную, полудрёмную будничность, в коей растворяются самозабвенно жители мегаполисов, смиряясь со многим тем, с чем бы вряд ли смирились в условиях свободы от оков уюта и социальных услуг.

Лишь майор наш, сидючи именно там – на дне души Александра-младшего, продолжал думать и переживать о случившемся, не отвлекаясь на раздражение от созерцаемой глазами юноши, опостылевшей ему за эти несколько суток компьютерной реальности бессмысленных и грубых модных игр.

И лишь ближе к вечеру, когда белокурый юноша вдоволь наигрался и наслушался церковных песнопений, дополнительно одурманивая себя остатками полусинтетического шиша, на сотовый телефон его пришло сообщение с просьбой переключить компьютер на рекомендуемый абонентом сайт – сообщение, подписанное тем самым странным именем южноамериканского революционера, которое взял себе псевдонимом, рекомендованный старшему брату для сотрудничества на поприще радиовещания, руководитель нового коммерческого эфира, называвший себя продюсером super-Че, а эфир свой XXX-ом.

Зевая, и руководствуясь скорее снисхождением к нуждам поверженного собственной жестокой милостью старшего брата, Александр-младший, забинтованной от порезов стеклом рукой торопливо набрал на клавиатуре вводную аббревиатуру указанного сайта; а открыв его, уютно погрузился в мягкость кресла, чтоб и себе и мятущемуся на дне души майору предоставить блаженную возможность, беспечно жуя кукурузные хлопья, по-домашнему, кутаясь в английский плед, стать зрителем транслируемого продюсером Че видео, отснятого всего пару часов назад и занимающего объем памяти стандартного художественного фильма.

Минуя вводные титры, в которых сей продюсер перечислил действующих лиц и помогавших ему соучастников видео проекта, экран предоставил вниманию глаз Александра-младшего, стоящего посреди известной ему по детским прогулкам со старшим братом поляне, невысокого человечка, одетого в пёстрый неформальный костюм, и украшенного поверх головы пышной копной смоляных волос, завитых и раскиданных под эффект нарочитой небрежности в стиле растаманского reggae.

“Привет пипл!” – начал он, продолжая так: “Меня зовут Че! Я – мастер лепить революционные проекты! А если вы думаете, что это банально, и вам кажется, будто оригинальности в наших проектах нет, то давайте спорить, отыскивая в интернете и библиотеках подобное; потому что я – ещё и эрудит, и за оригинальность своих проектов отвечаю благородным словом потомственного совладельца банка “Кроули”!” – картавя и периодически высмаркиваясь через огромный нос, как то делают завсегдатаи благородных пристрастий к поставляемым нелегально из Южной Америки продуктам для носов и вен, начал балаболить, представившийся именем Че продюсер.

“Тля! Так это ж тот самый тип, что отвечает за коммуникации и техническую базу всей электроники в войске Велги! Меж собой хулиганы, кажется, называли его эрудитом...” – обрадовался со дна души Александра-младшего майор, тут же развеяв весь негативный осадок драматичного утра, пересыпаемый им досель горстями серого пепла печали из одной ладони собственной души в другую.

Меж тем, продолжая шмыгать носом и всё более заводясь на лад угадавшего счёт матча футбольного комментатора, Че продолжил: “Сейчас, пипл-кул и прочие эврибади, я покажу вам весьма оригинального чувака! Хотя, многие скажут, мол, я видел его в википедии, когда готовил реферат по литре для старого, занудного школьного препода. Но, не торопитесь спо-

рить со мной – эрудитом, потому что я знаю наперёд: тот, которого вы видели на картинках в Google – уже давно покойник! Тот чувак на картинках – дэд уже как двести лет! Поэтому, и фотки его нормальной ни в однокурсниках, ни в рамблере не сыскать... А этот – мой – живой – настоящий! И его фотки уже мелькают во всём инете и даже в ящике о нём лепят передачи, говоря о чуваке всякие гадости. Но, такое уж время нынче – век вуайеризма, поэтому, кого только не увидишь в рамках формата-компромата. И, сами знаете – кто чем только не занимается сегодня! Я, сами знаете, чего в виду имею... поэтому, не судите чувака строго, а лучше встречайте смайлом! Вашему вниманию наш новый ведущий – Александр Сергеевич Пушкин!”

И тогда, отойдя чуть в сторону, призывно улыбающийся и жестикулирующий с неоправданной чрезмерностью Эрудит Че предоставил на суд, глядящих в экран зрителей, понурого и растрёпанного, как будто и не разделяющего со своим задорным продюсером той радости момента презентуемого шоу, старшего брата Александра, одетого по случаю съёмок клипа, где ему отводилась роль звезды, в какой-то дурацкий раритетный сюртук и высокий чёрный цилиндр, по классике жанра выступающий в паре, со вращаемой с откровенной бессмысленностью из стороны в сторону, франтовской тростью с белым костяным набалдашником.

А Эрудит, заслонив своего протеже вновь и, заметно для камеры зыркнув на Пушкина с подчёркнутым возмущением за отсутствующий и растерянный его вид, продолжил свою презентацию, поднося микрофон ко рту столь близко, что казалось вот-вот собирается его проглотить, и вряд ли удивил бы этим кого-либо, на фоне своих распаясанных движений и жестов сверх эксцентричного сумасброда.

– Как видите – от оригинала той славной эпохи нашего героя и не отличить! Кто он, имеющий те же черты во внешности? Тот же невеликий, но достаточный для гения рост... та же горделивая осанка, с которой держатся лишь те, кто уже преодолел материальные условности мира примитивной конкуренции и иерархического позиционирования... те же бакенбарды и пышные кудрявые волосы, наконец... Неужели – всего лишь модель для шоу? Неужели и этот человек – лишь форма для копирования оригинала? И было бы так, не имей наш нынешний герой всего одной способности, по которой и судили во времена ветхие его тёзку и физическое отражение – его стихи! Да!... Такая редкость наблюдать в одном человеке сочетание практически всех, присутствующих в оригинале качеств! Но сегодня, перед вашими глазами – это факт! А чтобы доказать это, сейчас, человек этот, имя которого Александр Сергеевич Пушкин, прочтёт вам стихотворение собственного сочинения! И не ищите в интернете ссылок и копий! Стихи его оригинальны, потому что читает он их перед публикой впервые, как, впрочем, оригинален и сам по себе, представший перед вами по собственной доброй воле человек-легенда – Пушкин!

Бодро проговорив всё это, манерой держаться, уподобляясь ведущему шоу ривайвелистов Калифорнии, Эрудит Че вновь выдвинул вперёд себя хмурого старшего брата Александра-младшего, который, вопреки подобающим манерам и приличиям, принятым при осуществлении важного и ответственного мероприятия, фиксируемого на камеру ради трансляции тысячам зрителей, беспечно закурил жёваную жёлтую сигарку-бычок, видать, недокуренный прежде, и оставленный ради особой нужды.

От того зрелища, Эрудита, видевшего в руках у Пушкина целый портсигар, доверху набитый дорогими марками, вновь передёрнуло. Но, согласовываясь с демократическим обычаем, принимать волю творческого человека даже в самых неприглядных её проявлениях, Че всё же отступил прочь, оставив зрителям на память о себе сияющую улыбку шоумена.

Ну, а Пушкин, озираясь на презентующего его образ в самых выгодных красках Эрудита так, будто тот назойливо прицепился к нему где-то посреди улицы, ради вербовки в общество свидетелей Иговы, вытащил из кармана брюк подозрительно выглядящий листок, и, вместо того, чтобы воспользоваться им по назначению в этом, поросшем бурным кустарником парке,

расправил мятую поверхность до состояния готового до употребления публичного документа, и, пережёвывая окуроч с одной стороны рта на другую, полным злобы и отвращения к слушателям голосом, зачитал, прилежно начав свой стих с короткого, но емкого названия:

“Разочарование.

Шипите и фыркайте в суете-сует,
Кряхтите и плюйтесь, твари, —
Но знайте – отныне меня с вами нет...
Меня больше нет в Сансаре!
Уж больше меня суетой не проймёшь, —
Я в жизни узнал её цену...
Узнаешь и ты, если слезы прольёшь
За самых родных измену...
Измену, не ту, что в суете-сует
Имеет своё основание, —
А ту, что сейчас я слагаю в куплет,
Под именем – разочарование!
И хоть я устал от житейских сует, —
В стихах их затрагивать грех.
И с троицей прав, кто о жизни куплет
Поднимет на громкий смех.
О ней, что писать? Благодарности нет
За подвиг души от земного, —
Ведь подвиг души – это внутренний свет,
И грусти ещё немного...
Вот тьма опустилась на землю, и вдруг
Вокруг стало много злого,
И превратился мой лучший друг
В бездушенника слепого...
И тьма опустилась ещё сильнее,
И мать превратилась в лядь...
Решайтесь, сограждане, – кто посмелей
Посмеет об этом сказать?
И брат мой родной стал совсем не тот,
Что был мне родным по духу, —
Ведь гражданам, превращённым в скот,
Он угрождает как шлюха!
Мне больно, и я из Сансары исчез:
Порвал её замкнутый круг...
Теперь на земле только тёмный лес
Отныне мне преданный друг!
А в вышине – вдохновение и свет,
И радость, что так одинок...
В Сансаре меня для людей больше нет...
Я рад, что понять это смог!”

Зачитав эдакое душевное откровение, Пушкин заглянул в объектив камеры так, как глядят обыкновенно в дверной глазок, заслышав на лестничной площадке посторонний шум и пытаясь через линзу разглядеть тех, кто его вызвал; отчего, вальяжно вкушавший презентованный ему сюжет Александр-младший, нервозно подскочил в своём кресле, колыхнув душу майора внутри себя, словно залитые пивом потроха.

“А, тля! Во как! Скушал?! Так-то! Хоть и погорел наш Пушкин, хоть и загнали его в пятый угол, а всё же вывернуться сумел красиво: и вакансию вождьленную у добрых людей получил, да такую, что огрехи его, ему же, теперь на руку будут, а главное – негодование своё с толком выместил, прочитав накипевшее в рифму, не только ради отмщения, но и с пользой практической!” – обрадовался успеху Пушкина майор, сотрясаясь под воздействием ругательств Александра-младшего, что стены буддистского монастыря от напеваемых монахами мантр, но не переживая об их губительном воздействии, поскольку был уверен уже в том, что дальнейшая жизнь поруганного поэта наладится, а все те неприятности случились именно ради его становления, согласовываясь с религиозным убеждением о том, что, чего бы не делал бог, а всё – к лучшему.

Но предположения нашего майора и в этот раз развенчались своенравием неведомой ему души, категорично непохожего на него человека, каковым являлся Пушкин, делающий всё по-своему, и всегда обескураживающий тех, кто ждал от него разумного, логически слаженного поведения, поскольку был поэтом не из корысти, а по призванию, руководствуясь чуждыми этому миру соображениями – некими духовными потребностями, навешаемыми ему из мира горного – чуждого человеческих моральных категорий, и заставляющего своих земных служителей делать что-то, идущее вопреки установленным в обществе людей нормам – что-то запретное, шокирующее и подчас откровенно отвратительное, ради установления доказательств истинной преданности духовным интересам, вопреки земным ценностям.

Так и в этот раз, современный прототип Пушкина намерился принести присягу вдохновению, пренебрегая очевидной своей долгожданной победой в игре общечеловеческих приоритетов, решив послужить интересам мира горного, неожиданным для простых, лишённых дара творчества людей, своим поступком.

Кивнув стоящему неподалёку Эрудиту, будто приглашая занять прежнюю позицию ведущего репортаж перед камерой, Пушкин отошёл чуть в сторону и, расстегнув фланговою свой сюртук, полез в карман исподней одежды, как то делают люди, убравшие необходимые в обиходе вещи – вроде зажигалки или телефона, в самую глубь своего платья, собираясь утром на выход в спешке или только что поднявшись с постели.

Но когда Че приблизился к нему на расстояние вытянутой руки, вместо безобидного аксессуара делового человека, Пушкин вдруг обнажил перед зрителями огромный зубчатый нож.

Увидев это, Эрудит попытался отстраниться, шутливо напоминая о том, что нож этот – всего лишь орудие производства для резчика по дереву, коим и являлся Пушкин в тот период, когда попал в неприятности, находясь в своей комнате и работая над изваянием обнажённой женской натуры. Но несформировавшаяся толком шутка его, так и осталась висеть в воздухе, едва сорвавшись с кончика языка, попавшего во мгновение на прицел кончика полоски зубчатой стали.

– Тебя я не трону... ты будешь лишь зрителем... но смотри за камерой, чтобы запечатлеть всё, как следует! – грозно предостерёг Эрудита Пушкин, и тут же ловко обвинил его заплатья, извлечённой из того же потайного кармана нейлоновой верёвкой.

Эрудит попытался что-то возразить, но, когда руки поэта полезли обшаривать карманы его неформальной одежды, покорно притих и присел на корточки возле камеры.

Сам Пушкин, меж тем, двигаясь проворно и весьма решительно, вытащил запасённый возле пупа скотч и, нечаянно толкнув видеокамеру локтем, продемонстрировал, смотрящему на это через монитор Александру-младшему, перспективу, открывающую вид на стоящую возле обочины при входе в парк скромную машину марки “Golf”, к двери которой и привязал Эрудита несколькими мотками липкой ленты.

Из содержимого карманов своего новоявленного благодетеля Пушкин взял лишь небольшой пакетик, наполненный белым порошком, да одну из множества, тут же возвращённых

назад в карманы брюк Че, стодолларовых купюр, которую, незамедлительно скрутив в трубочку, тут же употребил, как проводник ссыпанного на капот порошка к собственному носу.

“Неужели, только ради этого, он взялся изуверствовать над клоуном-Эрудитом? Подумать только, – что делают с людьми наркотики! А ведь это был его шанс реабилитироваться и даже разбогатеть...” – печально недоумевая, подумал майор, но вновь оказался неправ, поскольку и здесь нетривиальная логика поэта перещеголяла домыслы нищего на творческую фантазию военного.

Справившись со своим неформальным продюсером и вдоволь накушавшись бесплатного угощения из белой пыли, Пушкин взялся выправлять упавшую наземь камеру, снимавшую все его проделки с аккуратной тщательностью, с выбранного небрежным случаем благоприятного ракурса. Подняв с земли, он вновь расположил её на капоте, но, прежде покрутил из стороны в сторону, как будто ловя в объектив какой-то предмет или необходимую панораму. И, будучи зафиксированной в одном искомом положении, камера нацелилась на небольшой, возвышающийся над всей окрестной поляной холм.

17. Жертвоприношение

– Вот, перед вами холм... с древних времён его почитали капищем... но, отважиться на угодное сему благородному месту служение, в нашу эру, не смел ещё никто! Я – житель здешних мест, почитаю глубокую старину, нашу истинную историю, уважаю особенно глубокую древность, по-настоящему древние традиции. Осознанную часть своей жизни я посвятил делам, достойным былых времён, ничем не нарушая гармонию окружающего меня мира природы. Я – язычник, и всегда исповедовал свою веру так, как считал правильным. Сегодня, здесь, я проведу последний свой обряд, освятив место силы достойной жертвой! А Вы, смотрящие на меня и живущие по чуждым мне правилам, – думайте, что хотите... идолопоклонства Вам я не навязываю... дело это добровольное, требующее жертв и смелости поступать иначе, чем все прочие... Прощайте! – монотонно, будто заводная кукла, открывающая рот ради звуков, лишь пока крутится в ней ключ, высказался, показавшийся перед камерой Пушкин и, отрешённой походкой мученика побрёл к холму. Но, лишь поднявшись на его вершину, Пушкин продолжил своё движение вперёд, и тут же скрылся из виду, оказавшись на противоположной стороне кургана.

“Решил красиво раствориться из поля досягаемости собственной истории? Ушёл, вроде как, в другую жизнь, а там, наверняка, и имя, и документы, и внешность, может быть, поменяет...” – глядя на опускающийся за холм кудрявый затылок поэта, подумал майор, но через несколько секунд снова возмутился своей не прозорливости, решив на этот раз не пытаться более предугадывать дальнейшие шаги непредсказуемого чудака, обескураживающего его ум буквально каждым своим действием, начиная с момента знакомства у памятника на столичной площади.

Через несколько секунд Пушкин вернулся на вершину капища с большим – почти в человеческий рост длиною, завёрнутым в брезент предметом, который немедленно выставил на вершине холма как столб. Укрепив его в имеющемся на холме специальном углублении, тут же засыпал углубление для столба серой пылью из большого пакета – вероятнее всего – цементной смесью, а следом залил серую пыль водой; наскоро поболтал смесь палкой, и так же наскоро утрамбовал столб в землю весьма крепко.

– Язычники! Собратья в вере древних пращуров! Возрадуйтесь! Идол Велги на капище древнем устанавливаю! – завопил вдруг с неистовой силой Пушкин и, сорвав с высокого предмета материю, поднял руки к небу в жесте призывающего небесную стихию жреца.

Хоть и с достаточного отдаления, но весьма разборчиво, видеокамера запечатлела ту самую обнажённую женскую фигуру из дерева, что резал Пушкин у себя в комнате, совершая те нескромные пассы, которыми воспользовался Александр-младший ради алчного своего предательства. Ну, а покрутившись возле творения собственных рук и веры вдоволь, Пушкин вновь приблизился к камере и, исчезнув на миг из её окна, появился вновь, неся в руке автомобильную канистру.

– Жертву богине пращуров воздавать буду! – подмигнув в объектив, приглушённым и бодрым голосом заговорщика сообщил он, и отправился на холм едва ли не бегом, начав подпрыгивать на ходу, да насвистывать какую-то бодрую мелодию.

“Заколбасило! Эк, как проняло! Совсем крышу сдвинуло! Интересно, а что же было у Эрудита в пакете – номер первый, или, может быть, второй*?...” – наблюдая за экстравагантными действиями старшего брата своего нынешнего тела, подумал майор, решив не строить предположений о дальнейшем исходе и о назначении той канистры, что тащил с собой на холм Пушкин, поочерёдно меняя руки от заметной её тяжести.

Несмотря на неудачные заключения о прежних действиях Пушкина, в этот раз, невысказанные, но так и рвущиеся к оформлению мысли майора оказались драматично справедливы.

И он, взирая на творимое на экране действо глазами младшего брата, мелькающего на холме героя сей сцены, увидел, как Пушкин облил ваяние собственных рук не вызывающей сомнений о своём составе жидкостью; и тут же, не поджигая идола ради шоу, и не оставляя места для оптимистичных предположений насчёт собственных намерений, полез на скульптуру, как на телеграфный столб.

Оказавшись прямо поверх головы деревянной своей избранницы, Пушкин сцепил себе руки за спиной, хранимыми до поры окончательной развязки, стальными наручниками, а обхватив идола кольцом из рук позади спины, прыгнул вниз, бескомпромиссно оказавшись прикованным к укреплённому в земле деревянному столбу.

“Неужели, подожжётся?!...” – отважился подумать майор, сам же и гоня эту мысль прочь; но в сей раз мысль его оказалась прямым попаданием, когда глазами младшего брата поэта, майор увидел, как Пушкин передвинулся за изваяние, оказавшись со своей деревянной пассивной спиной к спине, а в демонстрируемых камере ладонях его чиркнули спички.

В тот миг лицевая сторона идола, с торчащими из-за спины, скованными запястьями поэта, озарилась вспыхнувшим, громадным, синим от бензина пламенем. Пламя заиграло ввысь, вздрагивая вширь, отпуская в небо клочки чёрного дыма, и, выровнявшись, наконец, в устойчивую форму, приобрело мистически совершенный силуэт огромной бабочки.

Если бы у созерцающей захваченные огнём зрачки нашего героя видеокамеры была бы душа, или если бы чья-то душа могла бы, сквозь объектив, проникнуть через те агонизирующие зрачки, в сознание и душу, в сам предсмертный миг этого мученика, то открылось бы, что истинно переживал сам Александр Сергеевич Пушкин за миг до своего трагического возгорания.

В тот самый, последний миг, сознание изучаемого нами героя достигло в своём бешеном галопе ужаса и отчаяния, уже самого края, самого предела смыслов существования, и, как бы само собою, обратилось вспять, в лихорадочной интроспекции отыскивая ответ на главный вопрос, ответ на самую первоначальную причину того, почему же он оказался в этом месте, в таком вот положении.

И тут Пушкин вспомнил, как находился прежде в той самой исправительной колонии, и даже в том самом, заброшенном цеху промышленной зоны исправительного лагеря, где испытал своё психоделическое перевоплощение в кузнеца Василия Цоя байкер Ярила из войска Велги.

Это был тот самый, видимый Ярилой-байкером, пустынный, давно заброшенный без всякой работы и без движения, промышленный цех, с хмурыми, тяготящимися собственного многотонного веса, прячущимися по тёмным углам и ещё не сданными на металлолом, покрытыми густой пылью станками эпохи глухого Азирийского социизма.

Как помнил себя, он – Александр Сергеевич Пушкин, осуждённый по статье, карающей за нелегальный оборот психотропных веществ на внушительный, но не чрезвычайный срок наказания, был отправлен завхозом отряда на пром-зону за какими-то, необходимыми для ремонта барака инструментами.

Пушкин уже знал этот цех, уже бывал в нём; и особенно запомнил себе, как впервые встретил в пустой громадине того самого кузнеца – Василия Ивановича Цоя. Он помнил, как после сдержанного приветствия, кузнец попытался пробудить в фантазии новичка, впервые посещающего столь жуткое место, именно страх, немедленно поведав, да так, что высокие стены пустого и уже тёмного в тот час промышленного цеха зловеще аккомпанировали его густому басу, историю замученных ещё при социизме в этом цеху заключённых, многочисленных человеческих душ, по-прежнему, по его словам, обитающих в сем месте, обитающих и вечно прислушивающихся ко всем забредшим – к их голосам, к их дыханию, к их шагам, а особенно – к словам, чтобы судить тишиной, отзывающимся и порой жестоко хохочущим эхом, внезапными громкими звуками, не напрасно принимаемыми за разгул духов.

Так, впрочем, Пушкин помнил, в сей миг, практически все свои встречи, словно калейдоскоп из пережитых событий, вместо битого цветного стекла, с этим кузнецом, с этим странным, суровым и замкнутым для окружающих, но весьма щедрым, и на ум, и на чувства, для тех, кого решил посвятить в свои товарищи или в друзья человеком, осуждённым социальной системой к двенадцати годам лишения свободы, по статье, карающей за нанесения умышленного вреда служителям церкви и их имуществу.

Этот странный человек имел не только странную, редкую для Азирии, в точности схожую с известным певцом ушедшей эпохи фамилию, что, разумеется, привлекло Пушкина, как пациента с той же проблематикой. Ещё большая привлекательная странность кузнеца по фамилии Цой заключалась в его способности порождать вокруг себя легенды. Каким-то неведомым чудом по зоне распространялись тревожные слухи о тайной силе и тайном могуществе сего человека. Фактически с кузнецом Цоем не хотел связываться ни один более-менее трезвый дубак*; тогда как небылицы о могущественном и тайном колдовстве кузнеца не давали покоя алчным до власти и силы завхозам, дневальным, бригадирам пром-зоны, да и всем, активно проводящим время своего осуждения арестантам.

И не раз, за всё время их невольно завязавшейся дружбы, кузнец показывал Пушкину разнообразные чудеса, не то – фокусы. Но, тем не менее, больше всего дружба их сплотилась вокруг интереса и безусловного восторга к некоей, хранимой кузнецом весьма осторожно книге.

Книга, но вовсе не та, которую принёс в изолятор, ставший хозяином зоны старший опер полковник, погубивший на глазах души Ярилы в своём штабном кабинете кузнеца Цоя. Эта книга, хоть и была внешне чем-то похожа на ту, что листал находившийся временно в теле кузнеца Ярила, завернутая в такой же, что и книга восточного мастера невзрачный зелёный брезент, эта – ещё не знакомая нам книга заинтересовала Пушкина намного более, чем изучение единоборств, книга ведала в прямом смысле о магии и отношениях с духами или с демонами.

То не была обще-популярная, доступная рядовому потребителю книга; то был истинный, попавший в лагерь неведомыми путями, древний фолиант эпохи языческого культа нынешней территории Азирии. То была практическая черная книга, где объяснялось прямо и доступно – какую жертву следовало совершать, ради чего, в каком виде, количестве и как именно, то есть – весь необходимый для жертвоприношений ритуал.

Именно там, как вспомнил в тот, последний для своего земного существования миг Пушкин, в той книге почерпнул он этот обряд; и ныне воздавал собственную жертву из собственной плоти для описанной в той книге Богини, готовой принять за это душу страдальца к себе в обитель отдохновения, дабы не возвращаться вновь к мучениям в колесе земной Сансары.

В тот миг лицевая сторона идола, с торчащими из-за спины, скованными запястьями поэта, озарилась вспыхнувшим, громадным, синим от бензина пламенем. Пламя заиграло ввысь, вздрагивая вширь, отпуская в небо клочки чёрного дыма, и, выровнявшись, наконец, в устойчивую форму, приобрело мистически совершенный силуэт огромной бабочки.

18. Виртуальная встреча с Дамой и обитателями Дилленджерз клуба

На этом сей сюжет завершился, и проигрываемое для Александра-младшего видео с сайта пошло по кругу, открывая вновь первые минуты запечатленного Эрудитом Че репортажа.

“Нескладуха какая-то получается! Ведь я видел собственными глазами, как парня этого застрелили среди площади, после падения вертолѐта... и на памятнике он скакал, читая стихи, живѐхоньким... да что там – видел! Из одного ствола, ведь, пули попали не только в него, а ещё и в меня самого! Выходит дело, – поджѐг этот – не более чем фарс, не более чем шоу, устроенное им ради каких-то собственных целей! Конечно! Там же присутствовал этот говорливый паяц из команды Нагваля – Эрудит!... Кому же ещё, как ни этому умнику, гораздому, наравне со своим другом Доном Джоном, шутить даже во время обоюдного обстрела, кому могло прийти в голову устроить показательный спектакль самосожжения, приплетая к тому же и религиозно-идеологическую подоплѐку, выгодную для его хозяйки Велги?!... И уж очень подозрительно выглядит конец репортажа: сюжет, прервавшийся по причине остановки записывающего устройства... Подозрительно! Конечно, это фарс! Пушкин жив! Пушкин жив, и где-то бродит сейчас с Эрудитом на пару вокруг убежища своего недальновидного предателя брата!” – лихорадочно перебирая воспоминания прежней своей жизни, в подаренном при рождении самим Акбаром теле усатого воина-горца, размышлял майор, чрез глаза Александра-младшего вновь взирая на запечатлѐнный Эрудитом репортаж.

Сам Александр, на сей счёт, придерживался иного мнения, но так же был подвержен скепсису, покуда не связался через “сокурсников” с отправителем репортажа – так называемым супер-продюсером Че.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.